

Радима Сумбулатова

**СЕРДЦЕ
ПОДСКАЖЕТ
ДОРОГУ...**

12+

Радима Даниевна Сумбулатова

Сердце подскажет дорогу...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63740156

SelfPub; 2021

Аннотация

Главный герой повести Адам , разочаровавшись в жизни , отчаявшись найти объяснение предательству « близкого человека», отправляется в путешествие. В пути , встречая людей разных возрастов и мировоззрений , начинает понимать , что у каждого человека своя душевная боль, своё видение жизни, оценка духовных и семейных ценностей . Всех героев повести объединяет одно: любовь к жизни. У главного героя, познав жизнь и людей , в душе и сознании происходит переоценка ценностей: в любой ситуации человек должен оставаться Человеком , не терять достоинство , оставить светлый след в сердцах людей, отвечать добром и уходить...

Радима Сумбулатова

Сердце подскажет дорогу...

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора запрещается.

Посвящается моей племяннице Танзиле.

С большой любовью и верой в нее.

«Люди забираются в скорые поезда, но они сами не понимают, чего они ищут, – сказал Маленький принц, – поэтому они не знают покоя, бросаются то в одну сторону, а то в другую, и все напрасно. Глаза слепы. Искать надо сердцем».

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Предисловие

Радима Сумбулатова первое свое стихотворение опубликовала в местной газете в 12 лет. К своему 20-летию выпустила книгу «Неугасающий маяк», главным мерилom которой являются: жизнеутверждающий оптимизм, гражданственность, жизненная философия и, конечно же, отношение к доброте. В начале повествования прозаик и поэт обращается к читателю: «Прежде чем взяться за чтение, полюби себя, полюби природу. Именно в этот момент прости каждого, кто оставил след в твоей нелегкой судьбе. Полюби мо-

ре, полюби облака и звезды. И ты почувствуешь, что жизнь кипит перед твоими глазами. Так полюби же ее!» Это ли не призыв к гармоничному слиянию человека с природой, чтобы избавить планету от возможных катаклизмов?! Радима устремлена к неумемной жажде поиска, хочет испытать себя в труде в быстрине жизни.

Она учится постигать законы прекрасного, находить в сердцах людей чистые и высокие помыслы.

С наибольшей полнотой в книге раскрывается тема грязных войн: «Так называемые «мужчины» во имя каких-то мифических ценностей убивают детей и беспомощных женщин, а потом возвращаются домой, обнимают своих детей и живут спокойной жизнью». В словах этих подчеркивается необходимость нравственного очищения перед прошлым во имя будущего.

Автор пишет: «... Знакомись с новым человеком, и он будто дарит тебе розу». Но «лишь взяв ее, можно узнать, насладишься запахом или же поранишься шипами». Все зависит от дарителя: хороший он человек или плохой? Тема природы в книге дана в динамике, и характеры героев даются с использованием изобразительных средств и различных приемов, что воспринимается, как живая ткань повествования. Соотношение диалекта и языка здесь точно и определенно.

Эта юная чеченка, пишущая на русском языке, обладает изумительным лексиконом. Язык ее прост и обаятелен. Что касается литературных приемов, то можно выразиться словами поэта: «Успокойся, заботливый критик, медный всадник не скачет за мной». Это означает, что у пушкинского «Медного всадника» поэт ничего не позаимствовал. У юного автора свой язык, своя манера письма...

Читал я книгу «Неугасающий маяк» для пользы дела с карандашом в руках. Останавливало внимание многое – по фразам и словам. Хорошо написаны рассказы, в которых оправдано чеховское: «Краткость – сестра таланта». У автора в них все точно, все зримо.

«Ваша мать отдала вам свое сердце» («Дорогой мой человек»). Мать спасает от смерти сына – наркомана, отдав ему для пересадки свое сердце. Боль и позднее раскаяние: «Мамочка! Счастье мое. Когда перед тобой встал выбор: жизнь, насыщенная яркими цветами, полная радостных мгновений, жизнь, за которую борются годами, или я, твой сын... наркоман... который забыл о тебе... Ты выбрала меня...»

«Этот город пахнет цветами – розами, тюльпанами, ромашками. А также книгами, которые мы храним и перечитываем вновь и вновь...» («Запах Грозного»). Это сегодня – «Сейчас город пахнет...» А раньше: «Этот город, как и я,

помнил все: как ломались дома и судьбы, как на улице пронзительным эхом слышался плач ребенка, у которого на глазах расстреляли маму».

«Один час. Второй. Каждое движение руки отсчитывало минуты жизни! («Мак- туб»). Девочка, у которой «... не было ничего позитивного для исцеления!», избавляется от тяжкого недуга, потому что у нее была вера... «Вера, которая выдернула меня из темного царства и окунула в свет... я верю в Высшую силу. Мактуб – так было предначертано». Такая вера внушает уважение.

«Шел дождь, капли стекали по стеклам и оживляли все улицы города запахом, который проникал в легкие, рождая там цветы. Дети выходили на улицу, бегали, прыгали в лужах, издавая звуки счастья. Что в этом такого: подумаешь, дождь» («Цена жизни»). Так рассуждает в больничной палате женщина, которая не умеет ценить все человеческое. Со всем другим дело: «...если бы с неба падали деньги или же бриллиантовые камушки». И «наступали беды, вода яростно уносила жизни, я жалостно задавалась вопросом: «За что?». Было ясно: за то, что они не умели ценить жизнь...» Радима с удивительной ясностью понимает, что ничего не изменится, если человек слеп, и, следуя за ходом ее мыслей, я убеждаюсь: ей суждено испытать в жизни нечто более высокое, красивое и значительное.

Произведения юного автора лишены слабых, не прописанных мест и просто языковых огрехов. На перспективу будущего развития писательницы искренне хочется видеть в новых изданиях ее неумемное стремление к жизнепознанию и к жизнеописанию. Это так важно показать своими словами силу человеческого духа и сложности бытия...

В книге Радимы Сумбулатовой столько зрелости и реализма, что поможет кому-то другими глазами взглянуть окрест себя, понять и принять сердцем боль и тревоги другого, который стремится выйти на быстрину жизни.

И мне, как читателю, дороги многие ее думы и строки, написанные зрячим сердцем. Сегодня Радима представляет вниманию читателя свое новое произведение – «Сердце подскажет дорогу...»

Хавас Акбиев – Член союза писателей РФ.

Зимы бывают суровыми и холодными, одевайся теплее, когда будешь выходить на улицу. Носи теплый шарф и не ходи без шапки. Простудишь голову, мысли, может быть, и сердце... А такое ведь тоже возможно. В твоей жизни может наступить момент, когда ты не захочешь никого видеть, пожалуйста, приходи ко мне домой, и тогда, я обещаю, мы будем сидеть в темноте и говорить по душам. И о том, что у тебя болит. Мы вместе все исправим. Не запирайся у себя в ком-

нате и не храни внутри то, что будет терзать тебя. Я твой друг. Поделись со мной обо всем.

Город может наполниться страхом, тьмой и грустью, люди могут стать серой массой, они будут постоянно сорить твою дорогу ненужными словами и навязчивым мнением, не слушай их, не слушай никого, только свое сердце. Оно подскажет тебе дорогу.

Ложись рано, вставай тоже, своевременно питайся, и, наконец, перестань пить газировки, они принесут тебе вред, а здоровье – это самое главное. Так говорят взрослые и умные люди. Поверь им, и помни одно, главное – это твоя вера.

Самые пустые люди на этой земле – атеисты. Ты ведь не знала про это? Каково же это жить, не имея главного, думаю я, часто встречая их на своем жизненном пути. А ведь у них какие-то другие интересы, которые они ставят выше Бога. В своей жизни ты повстречаешь много атеистов, будь добра к ним, возможно, они когда-то уверуют. Но запомни одно и никогда не забывай: остерегайся верующих, которые живут атеистической жизнью. Всегда остерегайся лицемеров. Тот, кто пытается обмануть Бога, не задумываясь, обманет тебя.

Доверяй только маме и мне, не рассказывай другим о своих секретах. Если ты вливаешь душу в сосуд, помни, всегда есть вероятность, что он протекает. А насмешки и упрёки сделают тебя слабее. Не бойся ошибок, ошибайся, как можно чаще, тем самым ты начнешь набираться опыта, который подскажет тебе, как поступать дальше. Признавай свои

ошибки. Ни перед другими, нет, перед собой, и пытайся их больше не повторять. Если наступишь на одни и те же грабли дважды, это уже твой выбор. Выбирай всегда только самое лучшее. И для других выбирай то, что выбрала бы для себя. Всегда относись к людям хорошо, даже если они начнут обливать тебя грязью, дари только добро, как говорится: «Каждый расходует то, что у него есть в запасе».

Отвечай добром и уходи.

Не стесняйся своей злости, своей улыбки, которая может показаться странной. Смейся и плачь во весь голос. Пусть все, что ты делаешь, будет искренним, даже предательство. Да. Ты не ослышалась. Со временем поймешь, что ты тоже, как и все, способна на предательство. Но тщательно все обдумай и не повторяй этого больше. Будь хорошим другом, сестрой, дочерью. И знай, некоторые люди не заслуживают хорошего отношения. Однако помни, они также не заслуживают и плохого. Относись к ним никак. Как будто их не существует вовсе. Твои лучшие годы пролетят моментально.

Сначала школьная жизнь, которая оставит не всегда приятные воспоминания, ты это поймешь со временем, потом университет, работа. О работе. Выбирай то, что любишь, и тебе будут платить за твое хобби. Люди думают, будто работа – это дело всей жизни, забывая, что она и есть жизнь. Оставайся всегда спокойной, даже если внутри бушуют океаны. Терпи. Успокой их и на яхте отправляйся в плавание за своей мечтой. Не давай никогда гневу взять над собой вверх,

контролируй свои мысли и слова. Ты владыка слова до того, как дашь ему волю, а после – слово может владеть тобой.

Я пишу тебе о настоящем, о том, что происходит сейчас вокруг нас, меня. Я пишу тебе о прошлом, ведь прошлое делает с нами большие дела. О будущем я писать не стану, ведь жизнь может оборваться в любой момент и оставить нас без ничего. Поэтому... прочитай эти строки и подумай о тех, кому не посвящают ни строчки. Я посвящаю книгу тебе. На добрую память.

1000. Отвечай добром и уходи. **(на отдельной странице)**

Жизнь измотала меня: то била, то таскала по старым проспектам, швыряла по разбитым домам. По домам моей души. Ну а мой родной дом стал для меня палачом, каждую ночь он сжимал меня стенами, загоняя в дебри моего сознания, не желая для меня освобождения. Мне наскучило все в этом брэнном мире, хотелось убежать в неизвестность, я не мог понять, к чему ведет меня это чувство и доведет ли оно до добра. И что значит для меня добро?! Я стал утешать себя, заболтался в социальных сетях с друзьями, заигрался в мониторах, но не смог освободиться. Освободить себя от того, что внутри. Пыль ложилась на подоконники, я подходил и рисовал пальцем грусть: тучи, дождь, туман. Так я ее представлял, и не важно, что художник из меня никакой. Ну а бе-

ды приходили ко мне без спроса, с детства не любил неожиданных гостей. Я открывал окно и садился на пол, дождь проникал в мое пространство и лил мне на плечи. Так я и засыпал в последнее время. Холодный. Мокрый. И никому не нужный. На прошлой неделе я ходил в магазин, купил там комнатные цветы, и все это для того, чтобы создать хоть какую-то атмосферу живости. От меня сбежала моя собака. Я кормил ее даже тогда, когда не ел сам, но она оставила меня одного, а говорят, будто они верны своим хозяевам. Мне осталась верна только моя печаль.

Бессонные длинные ночи бросали меня в бездну отчаяния, от прошлого нельзя было избавиться, оно ходило вслед по пятам. Я был чувствителен к запахам, с помощью них мысленно я мог оказаться в любом месте. Сегодня в моем доме запахло тобой, Кристи, и потому я ощутил грусть и радость, будто ты тут, со мной рядом. Я храню твои волосы. Тщательно собирал их по всему дому. Услышав это, люди посчитали бы меня сумасшедшим. Я даже не пользуюсь твоей кружкой, ведь там остался след от твоей помады. Положил ее в самый верхний шкаф! Хоть и живу один, да и гостей у меня не бывает, но не могу рисковать, вдруг забуду и подставлю ее под струю воды... и сотру с нее память о тебе...

Когда в спешке собирала вещи в чемодан, громко сожалея о потраченных на меня лучших своих годах, ты уронила свой носовой платок. Я храню его под подушкой, и когда мне снятся плохие сны, достаю его и сжимаю в ладони, будто это

рука твоя, а мы... все еще вместе. Чтобы как-то избавиться от этих страданий, я решил писать тебе письма. По одному в день. Их оказалось в моем портфеле тысяча. Я сжег их сегодня на заднем дворе нашего дома. Ворчливый сосед Чарльз проклинал меня за это, посчитав, что дым загрязняет окружающий его воздух. Рассказать ли ему о том, что ты своим уходом испортила мою жизнь? Я не стал. А просто зашел к себе...

Помнишь, ты не любила мою темную одежду? Я так и не смог привыкнуть к ярким вещам. Просыпаюсь утром, наливаю себе чай, забываю о нем и потом пью холодным. Я все еще не включил отопление, сплю на ледяном кафеле, без покрывала, но холоднее мне от того, каким безнадежным я стал. Помню те дни, когда ты отвыкала от меня. Ведь любовь не длится вечно, она проходит в определенное время, мы все это знаем. Я очень тщательно подготовился к твоему уходу, Кристи, хотя, по правде говоря, не думал, что ты уйдешь.

Я читал разные книги, пытаюсь распознать любовь и назвать хоть каким-то словом то, что творилось между нами. В этом большом и богато обставленном доме я не мог найти себе место.

Я выбросил все лампы в доме. Теперь живу в темноте. Знать бы тебе, какую тьму принесло в мою жизнь твое отсутствие.

Не решаюсь сменить место жительства, вдруг в один прекрасный день, когда будет сиять солнце на небе и птицы бу-

дуг петь о чем-то веселом, на моем пороге появится твой силуэт. Ты постучишься в дверь. Постучишься, собрав свою гордость в кулак, и не найдешь ее открытой. И ты подумаешь, что я не ждал тебя, что не сидел у телефона в ожидании от тебя звонка, что не заедал свою грусть, смотря на облачное небо. Ведь после твоего ухода звезды перестали меня радовать, перестали для меня сверкать. Если бы я написал книгу о том, что внутри, ее никто не смог бы дочитать. Пораженный горем и отчаянием, я очень хотел покинуть этот город, уехать куда-нибудь подальше и начать все с чистого листа. Я смотрел на других людей, и видя радость в их глазах, понимал, что горе постигло только меня и что в этом огромном мире несчастным был лишь я один. Часто слушал музыку... я не мог понять, спасает она меня или же загоняет в угол. Потом начал петь, сочинял песни и до глубокой ночи пел их, будто в этом бесконечном мире существовал лишь я один.

Затем мне очень захотелось лета, эта осень будто грустила со мной и рассказывала своим холодным ветрам о том, что я упустил. О том, как одним туманным вечером я сидел в парке нашего города и пропустил всех, но почему-то решил подойти к тебе. Ты сидела на скамейке, смотрела по сторонам, улыбалась, была довольна собой, будто люди пришли в парк с одной лишь целью – любоваться тобой. Ты любила себя больше всего на свете.

На тот момент на улице был лишь я один, иногда мне кажется, именно поэтому ты и выбрала меня. Выбор был не

очень велик. В тот самый момент я понял, что готов сойти с ума по твоим зеленым глазам, напрочь позабыв о том, что до сих пор ненавидел этот цвет. Ты с хихиканьем смотрела в мою сторону, прикрыв свои немного посиневшие от холода губы и красные щеки. Я в жизни не встречал ничего милее. Наверное, говорил тебе это несколько раз...

В последнее время ты не любила слушать мои комплименты. Закатывала глаза, бросалась по каким-то неотложным делам, на встречу с клиентами, которые постоянно куда-то спешили. Я плакал по ночам. Но не думай, что по тебе. Я плакал по нам. По счастью, которое мы с тобой могли бы подарить друг другу. С каким трепетом я слушал бы нытье о твоих проблемах и ни в чем не отказывал бы тебе. Лишь бы ты не уходила.

Когда ты ушла, дверь в коридоре начала скрипеть, я сначала пытался ее починить, но потом... несколько месяцев специально ложился с открытым окном. Ночью дул ветер, который заигрывал с этой дверью. Меня будил скрип, и я внушал себе, что это ты возвращаешься домой с работы. Потом наступили холода, ветер стал суровее, он начал разбивать вазы и посуду. Мне не было их жалко, нет, когда они бились, я вспоминал твою неуклюжесть. Через пару недель я понял, что так недолго оказаться и в психической больнице, и потому сломал ручки на тех окнах, чтобы больше не открывать их.

Знаешь, мне всю жизнь казалось, что слова «Я больше

тебя не люблю» однозначны и более чем понятны. Но они, оказывается, часто имеют другое звучание. И другую форму. Я понял это, когда ты начала забывать наши общие важные даты, перестала желать «Спокойной ночи» и подавать чай с подчеркнутым безразличием, не удосуживаясь даже проверить, горячий он или уже остыл. Все поменялось за совсем короткий срок, и после тебя я пью этот самый чай без сахара, ведь даже его сладкий вкус мне напоминает о тебе.

1001. Ну а мой родной дом стал для меня палачом. **(на отдельной странице)**

Приходи, пожалуйста, ругайся, ори, жалуйся, разбивай посуду и все, что можно разбить, сжигай мою одежду, дом, всю мою плоть. Но только приходи. Я буду ждать тебя. **(на отдельной странице)**

Береги себя. **(на отдельной странице)**

Солнце встало за горизонт. Лучи проникали к нам в дом через открытые окна, которые мы всегда оставляли нараспашку, мы оба любили утренний чистый воздух. Пахло освежителем воздуха с ароматом роз, который я купил неделю назад. Я лежал, положив голову с невысушенными волосами на подушку, чуть опершись в спинку кровати. Будильник еще не зазвенел. Ты почему-то встала раньше обычного и

возилась с вещами в другой комнате. Я с неохотой откинул одеяло в сторону, встал и зашел к тебе. Ты вдруг посмотрела на меня так, будто я застал тебя на месте преступления. Явно была мне не рада. Спешила куда-то. Я ничего не понимал. Сложенные газеты, неаккуратно лежащие пиджаки... И включенный свет. Значит, ты встала еще затемно. Я ничего не успел сказать, даже наше обыденное «Доброе утро» растворилось в паутине бесконечных ссор. Тучи заслонили солнце, я уже не слышал птиц, будто они улетели в теплые края. Почувствовали твой холод ко мне и решили, что уже наступила зима. Я стоял в ванной, холодная вода лилась на мою голову, одежда, которую я так и не смог снять, промокла насквозь.

Я не мог предвидеть, что с нами случится такое. Помню день, когда ты сказала, что готова прожить со мной всю свою жизнь, что горести мы сможем пройти вместе и нас на этом пути не остановит ни одна беда. Иногда люди бросают слова на ветер, позабыв о том, что они смогут вернуться обратно и ударить по самому больному месту. Каждый день я стоял у зеркала и смотрел на свое отражение. Каким же я стал? И похож ли я на себя? Мои темно-карие глаза стали ярче, быть может, они взяли оттенок из моих светлых воспоминаний, в которые я вглядывался каждый день и каждую ночь. Маленький нос, большие губы, худощавое тело... Что со мной не так?! Почему же ты решила меня оттолкнуть? Я был молод и не так уж страшен. Я смотрел на себя часами и не мог

понять, почему со мной так поступили. Ведь я этого не заслуживал. Не заслуживал того, чтобы быть отвергнутым и непонятым. Опускал глаза, включал тихую музыку, снова и снова брался за какое-нибудь дело. Широкая кровать с серым покрывалом и большими подушками накрывала меня невидимыми волнами. Так я и жил.

Хотел пустоты внутри себя, не чувствовать ничего, жить так, как живут люди, которых принято называть «тупыми» и которых невозможно называть иначе. Я в этот миг хотел быть невеждой. Не знать о том, что грусть может продлиться долгою в жизнь. И начать все с чистого листа: прогуливать уроки, гулять с друзьями в то время, когда такие как я сидели за книгами. Мне хотелось жить проще. Часто мне кажется, что мозги – это слишком тяжелый груз для меня.

1002. Часто мне кажется, что мозги – это слишком тяжелый груз для меня. **(на отдельной странице)**

Я научился заваривать кофе, он горче, чем наша любовь. Любовь, которой уже нет. Проходя мимо твоего шкафа, задерживаю дыхание, лишь бы не почувствовать твой запах. Я бы задохнулся. Нет, не от запаха. От воспоминаний. **(на отдельной странице)**

Береги себя. **(на отдельной странице)**

Стрелки на циферблате показывают два часа ночи. Сегодня вечером ко мне постучались в дверь, но нет, я не вздрогнул и даже не вздохнул после того, как не увидел тебя за дверью. Ведь всегда узнавал тебя по твоему стуку, будто стучала в самое сердце. Помнишь нашу соседку Эмили? Женщина лет семидесяти, со светлыми волосами и сединой, которую она постоянно закрашивала. Она заходила ко мне, рассказала, что умер тот мерзкий тип, Чарльз. Я был рад, ты же знаешь, как мы с тобой его не любили; всеми силами попытался скрыть свои эмоции и притвориться, будто я чувствовал сожаление и был готов разделить с ней ее горе.

Мы жили вместе 30 лет, – рассказывала она с грустью в глазах. Каждый день он приходил домой с цветами, я все не решалась сказать ему, что у меня аллергия на них, боялась обидеть. Он никогда не говорил со мной на повышенных тонах, помогал мне по дому и с любовью ухаживал за мной, когда я болела. Болезни часто донимали меня. Он страдал вместе со мной, даже страдал больше, чем я. Впал в депрессию, а хуже депрессии нет болезни. Два месяца тому назад я написала ему прощальное письмо и умоляла, чтобы он не сильно загонял себя после моей смерти... Он умер раньше меня. Перед сном выпил слишком много успокоительного. И упокоился с миром...

Мне было обидно. Эта хрупкая женщина плакала передо мной, не в силах остановиться. Я всегда думал, если человек расскажет кому-то о своих проблемах и услышит в ответ не

менее печальную историю, боль его немного утихнет.

Кристи, я рассказал ей о том, что потерял тебя. Ведь сложнее хоронить человека у себя внутри, зная, что он жив на самом деле. Я показал ей наши фотографии, рассказал, сколько слез мне пришлось пролить, пока не смирился с тем, что именно так и должно было произойти. Она слушала меня, то качая головой, то вытирая слезы с ресниц. Я и не думал, что люди в возрасте могут просто слушать. Молча, без ненужных наставлений.

История закончилась.

–Эх! – произнесла она. – Грустно у вас все вышло. Мне, пожалуй, пора уходить...

Как-то быстро оборвался наш разговор. Взяв свои костыли, она ушла домой. Я удивился, потому что не ждал такого исхода. Я ожидал от нее много добрых слов, сострадания. Но всего этого так и не получил.

13 число выдалось необычным, будто я скинул груз со своей души. С этим чувством лег спать. Я все время спал, напроць позабыв обо всех делах, будто их не было вовсе. Так жизнь проходила быстрее. Ложился рано, просыпался ближе к вечеру. Для меня до сих пор остается загадкой, как мой организм выдерживал режим.

Дни казались бесконечными. Меня не согревало ничего. Я худел, потом набирал вес, а после вовсе перестал чувствовать себя, свою сущность и свое тело. Кожа покрывалась темными пятнами, во рту постоянная сухость, которая никак не

проходила.

В нашу дверь снова постучались.

– Кто там?

– Это Зелдни, ваш почтальон. Вам посылка. Оставить у входа или вы все-таки откроете мне дверь?

Кто такой Зелдни? – промелькнула мысль в моей голове.

– Да, конечно, проходите, пожалуйста.

– Так, сейчас поищу. Просто на отдельном листке у меня записаны адреса, а письма вперемежку, поэтому приходится искать.

Я никогда не видел этого почтальона, но он представился так, будто был со мной знаком.

– Я подожду. Может, чаю?

Несмотря на всю злость и небрежность по отношению к себе, я всегда пытался быть вежливым с другими. Быть может этот человек расстроен и носит маску, чтобы люди ничего не знали о его печали.

– А, вот, нашел – таки.

Он вытащил из стопки письмо и протянул с довольным лицом.

– Спасибо, что предложили мне чай, люди редко относятся хорошо к таким, как я.

– Да пожалуйста, – ответил я, так и не сумев подобрать что-то другое.

День был таким же, как и другие, никакого разнообразия. Я не знал, искать себе работу или же заняться чем-то другим.

На проживание мне выплачивалось достаточно денег, нужды не было. Наверное, потому я и выбрал эту страну, здесь просто нужно было жить, никаких других требований и правил. Мой крепко запертый балкон на верхнем этаже был наполнен пылью. Туда, то ярко светило солнце, то по нему кружил ветер. Улица оттуда была видна как на ладони. Но даже в собственном доме бывают нелюбимые места. Этот балкон я почему-то не любил, и потому он все время оставался пустым.

Я проснулся от дрожи, будто холод проник под мое одеяло и обвился вокруг меня. То ли обнимая, то ли душа меня своей силой. Я не мог встать. Так бывало часто, будто груз души вылез изнутри и придавил своей тяжестью мое тело.

Эта ночь выдалась для меня сложной. Впрочем, как и другие за эти последние два года. Стоило мне закрыть глаза, как сон тут же куда-то запропастился. Разозлившись на весь мир и на все, что есть в нем, я встал и пошел в ванную. Все стояло на своих местах. Меня всегда радовал мой порядок в доме, все всегда неподвижно лежало на своих местах, будто напоминая мне о моем одиночестве. Ну а мир... Он был полон людьми: черные, белые, черно-белые... люди разных рас и национальностей. Я и подумать не мог, что все они станут для меня пустым местом, а всем миром станешь ты... Жизнь стала нескончаемой, зимы в этом городе длились вечно, а лета я и не видел. Многие жили в больших домах, как и я. Но грусть, что они прятали внутри, была больше их самих.

Знаешь, я отдал бы все, что у меня есть, за счастье размером с зернышко. Жаль, что выбор не за нами.

За долгое время, что я провел дома, сегодня решил выйти в магазин за кофе. Город продолжал свое существование, ведь проблемы одного человека могут омрачить только его жизнь, а других они и не коснутся. Вокруг смех, какие-то разговоры, ухмылки... Прислушавшись, я понял, что люди перешептываются то ли обо мне, то ли за меня. Я остановился и обернулся, пытаюсь понять, в чем дело, но все тут же замолкли. А ведь по глазам их было видно, что обсуждают именно меня.

Подобрав в магазине лучший кофе с ароматом шоколада, я подошел к кассе. Там стояла девушка в черной одежде. Мой любимый цвет. Ее покрашенные веки внушали страх, когда же она посмотрела на меня, мне стало жутко. Пирсинг, татуировки на руках и железные браслеты на запястьях.

– Вам плохо? – спросила она, укладывая мою покупку в черный пакет.

– Нет, с чего ты взяла? – ответил я, пытаюсь скрыть свое волнение.

– Да по вам же видно, актер из вас никакой. Вы же в курсе того, что ваша соседка Эмили успела рассказать всему району о ваших страданиях после ухода жены?

Я почувствовал, что кровь моя вдруг стала стекаться к самым ногам. Должно быть, я изменился в лице.

– Мне не стоило говорить про это. Не нужно делиться с

людьми своим горем, они могут предать. К сожалению, так произошло и с вами. Даже те мужчины, которые дома сюсюкаются со своими женами и боятся при них что-то сказать, тоже обсуждали вас целую неделю. Щедр язык на сплетни и клятвы.

Я не смог ничего ответить.

– Спасибо, – с трудом выговорил я. – Спасибо за откровенность...

– Не обращайтесь внимания на других, думаю, для вас сейчас важнее разобраться в себе, вы выглядите подавленным.

Так и было. Это произошло не сегодня, не на этой неделе, шли месяцы, хотя какая разница, ведь когда ты по-настоящему несчастен, день бывает подобен году.

1003. Ведь когда ты по-настоящему несчастен, день бывает подобен году. **(на отдельной странице)**

Я закину свое сердце в клетку к псам, вслед закрою дверь. Мои глаза устали не видеть тебя, они настолько устали, что не хотят видеть что-то иное. И если ты решишь вернуться, знай, здесь тебя ждут. Обязательно возвращайся. **(на отдельной странице)**

Береги себя. **(на отдельной странице)**

Ветер свистел за окном: то ли пел о любви, то ли про-

сто шептал о былом. Старушка Эмили оказалась болтливой, а я всего лишь хотел облегчить ее ношу, дать понять, что она не одна страдает. Мое добро обернулось для меня злом, ведь и дождь может стать для кого-то спасением после жарких дней, а кому-то просто испачкать машину. А я не хотел злиться. Взяв в руки пакет и не обращая внимания на взгляды людей, зашагал домой.

Нужно было что-то предпринять. Так продолжаться не могло, я должен был найти выход из этой ситуации. Но прежде нужно было выспаться, скинуть с себя этот день и перешагнуть в другой. Сон стал для меня спасением.

Утро наступило быстро, ночи будто и не было. Я сидел на диване в гостиной. Никогда не понимал, зачем мне эта комната, ведь гостей у меня почти не бывало. Я встал и начал ходить по дому: ванная, спальня, кухня, зал... Все было таким родным и в то же время таким пустым для меня. Взяв в руки свой темно-серый потертый рюкзак, я принялся собирать все самое необходимое: свитера, джинсы, воду, кофе. Почему-то мне показалось, что дом радуется моему решению, ликует молча, не веря в то, что я все-таки решился уйти и что он, наконец, от меня избавится.

Я решил покинуть дом. Дом, в котором хотел жить вечно. Ведь домом является не только строение, ну также люди, которые готовы принять тебя. И потому я вышел на поиски этих людей. Скорее на поиски себя.

Убрался в доме, вытер пыль, помыл полы. Закрыв креп-

ко-накрепко балкон, чтобы ветер не гулял внутри. Ты себе представить не можешь, что я сделал еще... сжег наши фотографии, Кристи, и даже твои волосы, что я хранил с такой любовью. Чарльза не было, и потому никто на меня не кричал из-за дыма, но знать бы тебе, как кричало мое сердце...

Я запер дверь аж на три замка. Не для того, чтобы никто не смог туда пробраться, а для того, чтобы мое горе не вырвалось оттуда на свет, омрачая весь район. Да что там район... Весь город. Весь этот большой город, где люди ненавидят друг друга, город, где я ненавидел себя. Отойдя в сторону, я посмотрел на дом и вспомнил, как любил в нем жить когда-то, в гармонии с собой и своим разумом. И с тобой. Делить последний кусок хлеба, спорить о том, кто танцует лучше. Все это я любил делать вместе.

На улице никого не было и потому никто не стал мне аплодировать за то, что я все-таки решился что-то изменить. Накинув рюкзак на плечи, я двинулся в сторону остановки. Мне было все равно, куда ехать, я сел на первый подъехавший автобус. Через пять минут мы отправились в путь. Сейчас я был готов к новой жизни.

1004. Знать бы тебе, как кричало мое сердце. **(на отдельной странице)**

Я падаю с неба кометой. Давно поставил твой голос на повтор. Все это время, не имея ни отца, ни мать, даже братьев

и сестер, я не считал себя одиноким. Но после твоего ухода, знаешь, я осиротел. **(на отдельной странице)**

Береги себя. (на отдельной странице)

Когда-нибудь ты заблудишься. В собственной стране, городе и даже мыслях. Твой любимый кофе станет слишком горьким, любимые лица – страшным очертанием, ты возненавидишь свою работу, свое тело и даже мысли обо всем этом. Тебе будет сопутствовать такое чувство, будто ты ждал чего-то несколько тысяч лет, но так и не получил это. Ты будешь просыпаться в поту, весь мокрый и холодный, часы, что тикают в доме, начнут действовать на нервы. В один день ты окажешься самым несчастным человеком на этой земле. И, наверное, тогда ты поймешь меня.

Автобус уносил меня на другой край света, скользя по дорогам разных городов, унося меня прочь от всего, что я научился терпеть. Ну а терпение важнее всего, ведь не могут какие-то минуты излечить все раны и заставить позабыть о том, что лежит на душе. Но почему-то все твердили, что время лечит. Меня не лечило ничего.

Как путник, которому все равно, куда ведет дорога, так и я отправился в путь на встречу судьбе.

В нашем желтом автобусе был какой-то запах. Назвать его неприятным или тошнотворным было бы неправильно, какие-то смешанные запахи духов и пота впитались в сидения.

– Не могли бы вы открыть окно? – выплеснул я в пустоту, но ни один из присутствующих не обратил внимания на мои слова.

– Простите, пожалуйста, – крикнул я снова. На этот раз многие обернулись.

– Приоткройте окно, здесь жутко пахнет.

Девочка, сидевшая чуть сзади, улыбнулась, видимо, и она нанюхалась этой вони и обрадовалась свежему воздуху. Я улыбнулся ей в ответ. Нужно было проехать еще несколько тысяч километров, десятки часов сна и столько же бодрствования. Из-за спешки я не взял ни одной книги, и дорога затянулась на несколько трилогий. Маленькая девочка ехала одна, я это заметил чуть позже. Обнимая рюкзак светло-голубого цвета, она сидела на своем месте и смотрела в окно. Заметив мой взгляд в свою сторону, она улыбнулась снова, и тогда я решил с ней заговорить.

– Привет, можно я присяду рядом с тобой? – наклонился я в ее сторону.

– Да, конечно, никаких проблем, присаживайтесь, – сказала она, отодвинув пакет со сладостями.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Лили. Меня зовут Лили. А Вас как? – спросила она с большим интересом.

– А я Адам.

– Ой, а мне нравится ваше имя, такое необычное.

– Так меня назвал дядя, в честь своего друга, которого убили на войне, – признался ей я, обманывая и ее, и себя. Друг дяди, на самом деле, умер от передозировки.

– А почему ты сидишь одна? Где твои родители?

– Они живут в другой стране, а на этот автобус меня посадила тетя, сестра моей мамы.

– А к кому ты едешь? Тебя там кто-то встретит? – спрашивал я, стараясь не казаться подозрительным.

– Да, конечно, меня должен встретить дядя, брат моей мамы. Некоторое время буду жить у него. Мне бывает там очень весело, у него прекрасные дети. Мы вместе любим играть.

– Лили, а сколько тебе лет?

– Мне 9, но в конце этого месяца исполнится 10. А вам сколько?

Говорить ей сколько мне лет, я, конечно же, не стал.

– А мне много, я взрослый уже, пару раз сложить твой возраст и получится мой. Я уже прожил свою жизнь, а у тебя все впереди.

А было мне 34. Но сейчас, разговаривая с ней, я не имел в виду годы существования на земле моего тела. Я говорил о душе, а она была стара.

Слушая меня, девочка копалась в своих рыжих волосах, то поправляя невидимку, то локоны, в ее светло-зеленых глазах была какая-то печаль, которую немного скрывала бело-

снежная улыбка.

– А еще, – прокричала она, – тетя мне наказывала не разговаривать с незнакомцами.

– Так я же не незнакомец. Мы с тобой познакомились, – сказал я убедительным тоном.

– Ну да, я помню, так получается, что мы с вами знакомы? – уточнила она наивным голосом.

– Конечно, можно даже сказать, мы дружим с тобой.

Внушить ребенку что-то свое было проще простого. Ребенок, он как диск на компьютере, взял и запрограммировал, как тебе нужно. Дети бывают глупы. Наверное, в этом и заключается их счастье. Взрослым быть не так уж и радостно.

За окном кипела жизнь. То дождь стекал по стеклам, то солнце согревало наши плечи, будто мы и были созданы для путешествий, будто и нет другого смысла в этом мире.

– А вам нравится читать? – спросила она, доставая книгу из рюкзака.

– Да, а что это у тебя?

У нее была всего одна книга. И блокноты, на которых, по всей видимости, она училась рисовать.

– «Маленький принц». Я только ее и ношу с собой.

– Сент-Экзюпери... – произнес я.

Моя любимая книга на все времена.

– А что? Вам не нравятся его книги? – удивилась она. – Как может не нравится «Маленький принц»? Вы не видели

в книге какие иллюстрации?

Я осекся на полуслове. Такого поворота я не ожидал.

– Ты хоть читала эту книгу? – спросил я улыбнувшись.

– Нет, – сказала она. – Зачем читать, если по картинкам уже все понятно?!

Она листала страницы, снова и снова рассматривая рисунки, показывая на них пальцем и что-то объясняя.

Я почувствовал дрожь по всему телу. Маленькая девочка, которой в конце месяца будет десять, открыла мне глаза на многие вещи. Ей нравилась книга только потому, что на ней были рисунки, но если бы их не было, то она, наверное, не носила бы ее с собой и не считала бы лучшей. Я понял, что таким был и я. Всего лишь видел улыбки людей, не пытаясь узнать истории их жизни, делал выводы о счастье, которое, может быть, их и не коснулось. Просто сидел и листал людей, разглядывая лишь картинки из жизни, восхищаясь лишь тем, что у Маленького принца была роза, не догадываясь, как он по ней страдал.

Держась за другие сидения, я пересел. Все были на своих местах, и водитель, не останавливаясь и не сбавляя скорость, ехал в сторону другого города. Только вот мое мировоззрение перевернулось в один миг.

С этого момента я начал чувствовать других.

1005. Взрослым быть не так уж и радостно. (на отдельной странице)

Ты подарила мне мир. Но забыла остаться в нем. Ты ушла. Я суетился, не понимая, что мне делать с ним, без тебя, без твоих глаз и ласковых слов. Никогда не думал, что ты так легко оставишь меня, да что уж там меня, нас. Ведь мы с тобой были большим, чем мир. **(на отдельной странице)**

Береги себя. **(на отдельной странице)**

(на отдельной странице) Мне не пишется ни о чем, кроме строк о тебе, засыпаю с мыслями о тебе. Проснувшись измотанным и нелюбимым, я исписал твоим именем все блокноты и тетради, какие только нашлись.

Когда не осталось больше страниц, я перешел на внутренние стены дома. Будь моя воля, исписал бы маркером все дома и дороги этой улицы и города твоим именем.

(на отдельной странице) Звезды любят тебя, я им рассказал о том, как мне не хватает Нас. Рассказал, несмотря на то, что они перестали быть для меня яркими после твоего ухода и что смотреть на них я стал все реже.

Почти тысяча километров оставались позади, мы ехали и ехали. Планета становилась все больше. Пустыни, реки, леса, горы, необычайная природа и люди, которым вовсе нет дела до тебя.

Мы доехали до города К. Там решили переночевать. Ночь застала возле отеля «Холдни». Странное название, будь у меня отель, я бы ни за что его так не назвал.

Этот город был чужд мне, Кристи, как и я тебе, вместе со всем, что есть во мне. Твой голос не переставал мне мерещиться и звучать в моих ушах музыкой, которая вела и управляла мной ежеминутно. Ты не перестала жить во мне, кровь пробегает по венам и останавливается каждый раз, когда язык произносит твое имя. Оно не такое, как другие. Как Мэри, например, или Элизабет. Звучит не так вольно и не так свободно, не внушая ни любви, ни ненависти. Я так хотел тебя возненавидеть, знала бы ты, как я старался.

Помню, в детстве мне мама сказала, что можно было бы пережить все, лишь бы не было войны. Я долго думал над этим и все сомневался, не имеет ли она ввиду войну внутри человека!

День оказался очень длинным, особенно для меня, ведь я любил только темноту. Мы сняли довольно скромные номера в отеле третьего класса и разошлись в разные стороны. Хоть и путешествовали вместе, мы не знали друг друга, да и необходимости в этом не было. Мою маленькую подругу Лили встретил Дядя. Он ждал ее здесь, видимо, заранее созвонился с водителем. В моем номере не было горячей воды, как я узнал позже, ее отключили в целях экономии и потом забыли включить, а после – она нагревалась несколько дней.

Потому пришлось с неохотой принимать холодный душ. После душа я лег на мягкую подушку и накрылся теплым одеялом. Этот контраст очень хорошо сказался на мне. Только после того, как шторм утихает, понимаешь, через что ты прошел. Я погрузился в крепкий сон. Впрочем, так происходило каждую ночь.

Мне приснился сон: я вышел на пробежку в чужом городе, но он показался мне своим, родным, будто жил там с самого рождения. Люди здоровались со мной, интересовались моей жизнью, делами настроением. Ну и я тоже проявлял дружелюбие по отношению к ним. Этот город был добр ко мне, любил меня, разукрашивая все, что вокруг меня в розовые и фиолетовые цвета.

Неожиданно в дверь громко постучались.

Я прямо подпрыгнул в кровати.

– Доброе утро, сэр. Я принесла вам полотенца. Простите, я думала вы не спите, уже одиннадцатый час, – у двери стояла работница отеля.

– Что? Как я мог проспать, почему они не разбудили меня, Господи, а если они уехали без меня.

Я бегом спустился на первый этаж.

– Они уехали? Почему меня не разбудили? – спросил я у охранника.

– Успокойтесь, – услышал я голос за спиной. Обернувшись, я увидел водителя нашего автобуса. – Из-за сильного снегопада и ветра нам не удалось отправиться в путь, без Вас

мы точно не уехали бы, можете не переживать. Мы непременно разбудили бы вас.

Только после этих слов я немного пришел в себя.

Теперь уже я был возмущен тем, что меня разбудили. Если дверь закрыта, значит человек занимается своими делами. Значит ему не нужны чертовы полотенца, он занят чем-то другим, более важным.

Я поднялся на третий этаж, лифт тоже не работал. Из столовой пахло чем-то жареным. Этот запах вместе с дымом распространялся по всему помещению. Такое чувство, будто это место за год посетили лишь мы.

– Как же я устал, терпеть не могу эти лестницы, на дворе 21-ый век, а владельцы отеля не удосужились позаботиться о лифтах.

Я подошел к своей двери и дернул ручку. Дверь не открывалась.

– Ну что на этот раз? Что еще со мной случится за этот день?

Я дергал ее, толкая ногой, потом стал стучать по ней изо всех сил.

«Ну почему ты не открываешься, мне что, сломать тебя?» – кричал я во весь голос. И она открылась. Но открылась дверь не сама, к моему удивлению, в моем номере, перед этой самой дверью, стояла миловидная девушка.

– Не ломайте дверь, что она вам сделала? – произнесла она спокойным голосом, смотря мне прямо в глаза.

Я понял, что перепутал дверь, и пытался вломиться в чужой номер. Было очень неловко.

– Простите, пожалуйста, оказывается, я перепутал дверь, сегодня просто неудачный день, не хотел вас пугать, – произнес я виноватым голосом.

– Да ничего страшного, в моей жизни и не такое бывало. Проходите, даже неудобно вас не впускать, вы же так хотели сюда попасть, – улыбнулась она. Дама оказалась не без чувства юмора.

Я застеснялся. В такую неловкую ситуацию мне еще не приходилось попадать.

– Меня зовут Лана.

Волосы шоколадного цвета были тщательно сложены, тонкие брови и длинные ресницы несомненно украшали ее и без того милое лицо.

– Я Адам, приятно познакомиться, – ответил я, пытаюсь скрыть свой интерес к ее внешности.

– Пройдемте, не будем стоять у двери, – пошла она вглубь номера.

Я пошел за ней.

Это был vip-номер. Значит, моя новая знакомая из важных персон. И, конечно, человек обеспеченный.

– Как вы тут оказались, Адам? – спросила она с интересом.

– Я начал свое путешествие в поисках самого себя, делиться с людьми у меня получается не очень, – замолчал я,

вспомнив свою соседку и не зная, стоит ли продолжать.

– А чего вам не хватало? – посмотрела она мне в глаза.

– Я обнаружил вдруг опустошённость в душе. Вот вышел на свет, чтобы заполниться изнутри.

– А чем вы любите себя занимать? Есть какие-то увлечения? – спросила она, резко отходя от темы.

Мне она показалась очень непредсказуемой.

– Я люблю бегать, – поделился я, сам не веря в то, что говорю, ведь бегать я никогда не любил. – Люблю читать книги, смотреть фильмы. Ну а еще люблю...

– Мне знакомо это чувство, – перебила Лана, вернувшись к тому, что я говорил ранее.

Она показалась очень странной и простой, несмотря на дорогие украшения, не менее дорогой телефон и много чего еще. Богатые обычно не так себя ведут.

– Расскажите, что Вас сюда привело? – спросил я, опасаясь ее реакции и стараясь не выглядеть надоедливым психологом, у которого в жизни и без чужих историй полный бардак.

– Вам так же, как и мне, не нравится это место? – спросила она улыбнувшись.

– И вправду, противное место, – ответил я, а про себя добавил: «и не стоит даже половины тех денег, что она наверняка заплатила».

– По моему виду жизнь моя, должно быть, кажется беззаботной, – опустила она веки. – Знаю, вы тоже так думаете, –

продолжила она, нервно поправляя свое платье. – Но это далеко не так. Если хотите, расскажу свою историю.

Мне было очень интересно.

– Расскажите, – попросил я, усаживаясь поудобнее.

1006. Звезды любят тебя. **(на отдельной странице)**

В тебе все прекрасно. И зеленые глаза твои, и душа, и плечи. **(на отдельной странице)**

Береги себя. **(на отдельной странице)**

– Я растворялась в сумерках дней, пытаюсь забыть тревоги, кои омрачали мне жизнь, – начала она.

– Я забывалась среди толпы. «Жизнь скоротечна», – часто приходилось мне слышать. Но для меня дни были бесконечными.

Купила себе квартиру в огромном городе, в большом доме, надеялась найти настоящее счастье.

В моем новом городе дожди шли чаще, ветер ломал деревья, а листья опадали еще до наступления осени. Они как люди, которые умирали до того, как души покидали их тела.

По ночам звезд становилось все меньше, любоваться было нечем, и именно в эти моменты я выходила гулять. В том городе не было ни ограблений и ничего иного в этом роде. Город называли одним из самых спокойных, потому трево-

житься мне было не о чем.

По обеим сторонам аккуратно проложенного тротуара росли цветы. Я всегда замечала такие детали. Многие из них были затоптаны людьми, не ценящими красоту, так происходит и с нашими чувствами.

Улицы были пропитаны каплями дождя. Днями он лил не переставая.

В городе почти на каждом углу что-то продавали. Я не любила такие места, поэтому покупала продукты в одном и том же супермаркете. Никакого разнообразия: овощи, фрукты и кофе...

– Что-то еще? – спрашивала продавщица, которая каждый раз, когда заходил новый покупатель, поправляла бейджик. Она знала, что я всегда беру одно и то же. Наверное, любезность входила в часть ее обязанностей.

– Нет, Лиза.

– О, вы знаете мое имя? Да, конечно, я же забыла про свой бейджик, – тут же смущенно поправлялась она.

– А вы далеко отсюда живете? – продолжила Лиза с любопытством.

– Нет, через дорогу.

– А можно узнать ваше имя?

– Меня зовут Лана.

– Какое красивое имя, такое необычное. Наши имена начинаются на одну и ту же букву, – улыбнулась она, но, не увидев ответной улыбки, вдруг замолчала.

– Хорошего вечера! – пробормотала я, разложив купленное в пакеты.

– Вам тоже, уважаемая.

Я помню все диалоги наизусть.

Квартира была всегда наполнена цветами. Курьер привозил их домой, и наслаждаясь их запахом, я засыпала в своей большой кровати. Все помещение было засыпано лепестками, так постаралась горничная. Она знала, как мне угодить, каждый вечер приходила убираться и готовить.

Работу в свое время получила очень неожиданно. В то время я выступала на сценах театра, в мюзиклах. Восхищенные моим голосом люди забывали, что пришли смотреть на актеров, а не на меня. К этому вниманию я привыкла быстро, будто была рождена для этого. Организаторы конкурса «Зажигаем звезду» позвали меня на прослушивание в большой зал, где собрались лучшие певцы страны. Они остались довольны моим голосом и предложили заключить контракт. Я согласилась не задумываясь.

Примерно так и началась моя взрослая жизнь, к которой стремилась с самого детства.

За продуктами я не отправляла Луиз (так называли мою горничную), мне нравилось выбирать все самой, каждый овощ и фрукт был мною тщательно отобран, в этом и заключалась моя странность. Продавщица глядела на меня с удивлением, отводя взгляд, когда я на нее оглядывалась. А я терпеть не могла, когда на меня смотрят подобным взглядом. На

сцене было по-другому, но в общественных местах старалась избегать взгляды любопытных прохожих.

– Что-то еще? – спросила меня уже в который раз Лиза.

– Нет, больше ничего, – ответила я, пытаясь не выдать свою злобу.

Мне она почему-то казалась очень глупой, будто на улице раздавали знания, а она осталась за кассой. Аккуратно собранные волосы в хвостик и обведенные тушью глаза не выдавали ее легкомыслие.

– Ух ты, моя хорошая, – услышала я за спиной.

Я обернулась.

Рядом стояла женщина лет 60, две молодые девушки и девочка лет семи, которая болтала без умолку. Одеты они были просто, у одной обувь была изношена до дыр.

– Это моя семья, – сказала Лиза, заметив мое излишнее внимание, – мама, мои сестры, а это мое маленькое сокровище – Алия. Они живут в другом городе, приезжают ко мне частенько, только жаль, встретить их не всегда получается, нечем меня заменить. В семье я одна, можно сказать, являюсь их кормилицей.

Я молча покинула помещение. У выхода меня стерегли журналисты, они и сюда добрались.

«Скажите, пожалуйста, почему вы сменили место жительства? Вы не хотите с нами контактировать?» Эти вопросы преследовали меня всю жизнь.

Я убежала оттуда.

Охрана у дома помогла мне зайти в квартиру.

На столе лежало письмо.

«Лана, через три дня состоится твое выступление, все билеты уже проданы, не подведи».

Переключила телевизор на канал «Еда», там показывали один необычный рецепт. Решилась взяться за новое блюдо. Если учесть, что не готовила уже несколько лет, получалось совсем не плохо. Ужинала на балконе. Прямо напротив, возле супермаркета, Лиза перекладывала чужие покупки в багажник машины. Шел уже второй час ночи, а она работала без перерыва и отдыха.

Этот вечер был печальнее остальных. В голове почему-то застыли счастливые лица ее родных. Я не думала о предстоящем концерте и о том, что к этому нужно готовиться. Просто вспоминала совсем чужие для меня образы.

– Понимаете, Адам? Смотри в тот день на все происходящее, я вспомнила, как в нашем маленьком городе, в маленьком доме, наполненном теплом даже в зимние морозы, мы сидели с семьей и ужинали. Денег только на еду и хватало. Дом наш был озарен улыбками, а я сидела и мечтала о большом городе, о квартире и о больших деньгах. Мама каждый раз смотрела на меня беспокойным взглядом, не зная, о чем печалюсь. Через пару лет после этого я выбрала карьеру, уехала в другую страну и стала звездой. Мама с папой покинули этот мир, а я не смогла поехать на похороны: границы были перекрыты. Сестры вышли замуж. Слышала, у них уже

есть дети. Я звонила им прошлым летом, но они не захотели со мной говорить.

Рассказывая обо всем этом, она плакала. Я не умел успокаивать людей, а тем более малознакомых. Я просто сидел и чувствовал, как слезы наполняют мои глаза. Вместо того чтобы найти слова утешения, я вытирал свои слезы, пытаюсь их скрыть.

– В моей жизни было много огромных городов, больших домов и квартир, – продолжила она. – Но я всегда мечтала вернуться в тот маленький дом, в котором жила со своей семьей. Тогда мне казалось, что для счастья нужны деньги. Только сейчас я стала понимать, насколько человек может ошибаться. Я уже забыла все свои звездные выступления, все свои знакомства со знаменитостями, однако навсегда запомнила тот момент, когда была счастливее всех, но почему-то не знала об этом. В ту ночь я вышла на улицу, отдав ключи перед выходом – просто не хотела там больше жить.

– Ну что, ищем 40-ую квартиру? – спросил у меня водитель с иронией.

Я глядела на Лизу, которая садилась в такси, со словами: "Мне домой, отвезите меня, пожалуйста".

– Подожди, – сказала я водителю.

Достав из своего кармана чековую книжку, кривым почерком подписала ей чек на один миллион долларов.

Я попросила передать чек той девушке и сказать ей, что она может забрать эту сумму в любом банке.

Отключив свой мобильный телефон, я полетела в другую страну. Купила квартиру в большом доме. Я искала счастье.

Но при этом понимала, что потеряла его давным-давно.

– А на вопрос, что меня сюда привело, думаю, не стоит отвечать, все и так понятно.

Я чувствовал ее печаль. У нее было все, что можно купить за деньги, но не было самого главного. А ведь если подумать, оставшись с семьей в своем уютном доме, она всю жизнь мечтала бы о больших домах. Сейчас же мечтает вернуться в прошлое, чтобы все исправить.

«Неужели человек такой неблагодарный, что не знает, чего он хочет на самом деле?!» – думал я, сидя перед ней и наблюдая, как она вытирает слезы салфеткой.

Ее богатство и роскошь отошли на второй план, я начал видеть девочку с большими глазами и большим сердцем, со своей историей, которую она, не спеша, рассказала мне.

– Не думала я поведать вам свою историю, но хорошо, что вы вломились ко мне в номер, я чуть было не открыла душу горничной, которая заходила ко мне с чаем, а она, наверное, вряд ли смогла бы все это перемолоть, не выплюнув в общество. А как вы знаете, у людей привычка топтать слабых. Уехав оттуда, я решила остановиться здесь, подальше от камер и журналистов, что всегда лезли в мою жизнь с нескончаемыми вопросами. Ни покоя, ни личной жизни... А от чего сбежали вы, Адам?

– Ни от чего, мне просто захотелось путешествовать, а так,

у меня все хорошо, – ответил я, пряча глаза.

Я не любил людей, которые имеют привычку лгать, да и у самого этой привычки вовсе не было, но после той старушки, что насмехалась над моей потерей, я не хотел открываться никому. Даже себе.

И проглотив ком в горле, я встал и стал прохаживаться по комнате.

– У Вас все в порядке? – произнесла она, не понимая, чем я так встревожен.

– Да, со мной все хорошо, просто я вспомнил, что забыл выключить утюг. Если вы позволите, я вернусь к себе, – снова солгал я.

Буквально час назад я был опустошенным, но ее история наполнила меня до краев. Уже у себя я прокручивал эту историю в своей голове снова и снова, Во многом мысли ее были созвучны моим.

Я решил вернуться и сказать ей, что жизнь преподносит необычные сюрпризы и что не нужно падать духом. Все самое банальное, что ей сказал бы каждый в этом чертовом отеле, который подарил мне надежду на будущее. Но дверь была закрыта, я стучался, хотя и не так сильно, как в первый раз. Скорее всего ее не было в номере.

Каждый уголок этого дома стал для меня желанным. Я искал ее везде: в холле, в номерах и даже на крыше, куда очень сложно пробраться. Но лишь посмотрев в окно на мансарде, я увидел отъезжающий лимузин. Догнать Лану было просто

невозможно.

Я вернулся в номер, пора уже было уходить отсюда, слишком много историй за этот короткий промежуток времени. Подойдя к своей двери, я увидел письмо. И не письмо вовсе, а просто лист белой бумаги. Я подобрал его. Оно было от нее. От Ланы, которую я знаю всего лишь два часа, может и меньше. Листочек был скомкан, видимо, она торопилась.

«Привет. Может, и не стоило рассказывать тебе о своей жизни, ты отреагировал не так, как я того ожидала. Надеюсь, сейчас у тебя все в порядке, я не хочу, чтобы из-за меня ты чувствовал себя неловко. Не думай, что я решила уехать из-за тебя, вовсе нет. Я как бездомная собака, что бродит по разным уголкам, пытаюсь найти тепло. Я научилась различать добро и зло. Только теперь я научилась жить. Запомни одно, мой милый друг, никогда не жалею о прошлом, не загоняй себя и ни в коем случае не думай о том, что ты не в силах сохранить. Каждое испытание дается для того, чтобы мы поняли силу Вселенной, она делает с нами все, что только захочет. Но главное – получить урок из всего пройденного. И помни. Ты не одинок. Ни в коем случае. Тебя окружают звезды, солнце, цветы. Если тебе станет грустно, положи руку на сердце, стучит, значит, есть шанс все исправить».

Мир начал свое преобразование, тучи рассеивались на моих глазах, становясь сладкой ватой. Ветер больше не разбрасывал все в разные стороны, а всего лишь ласкал кончики

пальцев, хватаясь за руку. Игриво, нежно. Я положил это письмо в карман рюкзака и дал себе обещание, что буду перечитывать каждый раз, когда мне станет плохо. Хотя нет, не только, ведь это письмо заслуживает большего, я дал себе обещание перечитывать его, даже когда мне будет хорошо... Я буду хранить его вечно.

1007. Если станет грустно, положи руку на сердце, стучит, значит, есть шанс все исправить. **(на отдельной странице)**

Но ты не смей не думать обо мне. Слышишь? Не смей. Хотя бы один раз в неделю, раз в месяц вспоминай меня. Глубокой ночью, пытаюсь заснуть, просто произнеси один раз мое имя. И спи. Мне этого будет достаточно. **(на отдельной странице)**

Береги себя. **(на отдельной странице)**

Что-то в моей жизни изменилось, хотя я и не мог сказать, что именно. Возможно, дело было не только в Лане, просто внутри что-то перевернулось. Да так, что я начал себя принимать.

Нас попросили собрать вещи и готовиться к отъезду. Я взял свой темно-коричневый блокнот и черными чернилами записал эту дату. Есть дни, которые хочется записать на касету. И хранить у себя. И ставить почти каждый день на по-

втор. Я относился к этому месту по-другому, мне уже не было дела до горячей воды и лифта. Взяв свои вещи, я вышел на улицу. Мы заняли свои места в автобусе и двинулись. "Приходите еще!" – кричал нам администратор отеля, прекрасно понимая, что ни один из нас больше туда не вернется.

Нас ожидал нелегкий путь. Словно прибитые к сидениям, мы отправились дальше, зная, что экскурсовод не объявит о последней остановке. Это было путешествие в неизвестность, так было запланировано, в принципе, это то, что происходит с нами каждый день, мы не можем знать, что нас ждет неделю, день и даже час. Мы просто шагаем куда-то, надеясь, что дорога эта приведет к добру, а зла нам и так хватает. Я посмотрел туда, где сидела моя маленькая «подруга» Лили. Ее место пустовало, я совсем забыл, что дальше мне ехать без нее. Она, наверное, уже дома, у своего дяди, играет с двоюродными братьями и сестрами. Я надеялся, что Лили прочтет книгу "Маленький принц" и поймет, что картинки могут быть обманчивы. Не успел ей объяснить, что разговаривать с незнакомыми людьми не стоит, что тетя ее была права. И что я вовсе ей не друг... Но это разбило бы ее маленькое сердце. А я этого не хотел.

Запаха больше не было, видимо, автобус проветрили.

– Слава Богу, а то невозможно было здесь дышать, – прошептал какой-то мужчина.

– Что? – спросил я.

– Говорю, хорошо, что запах неприятный прошел, а то ды-

шать было нечем, – повторил он свои слова.

– Это да... А куда вы едете, – спросил я.

– В город С, – ответил он улыбувшись.

За это путешествие я увидел больше улыбок и дружелюбия, чем за всю мою жизнь. На том мужчине была куртка светло-пепельного цвета, надетая поверх старого пиджака. Волосы были не по возрасту пострижены, на тон светлее моих, точнее, они были седые. Не знаю, почему я его с собой сравнивал, ведь выглядел он старше меня. Ему было лет 75, если не больше.

– А вы едете в гости? Или же хотите там отдохнуть?

На обычного туриста он не был похож.

– Я еду к сыну, он живет в этом городе уже, можете себе представить, уже пятый год.

– Да? – сделал я удивленное лицо. – А как его зовут?

– Мэтью. Хоть у меня и плохая память на имена, но моего сына зовут именно так. Вам тоже нравится это имя? Я его так назвал. Помню, мы с женой спорили несколько дней, а наш безымянный сыночек лежал в кроватке и смотрел на нас маленькими серыми глазами, позже они стали карими, ведь цвет глаз всегда меняется с возрастом. Жена моя хотела назвать его Эдвардом, но я подумал, что это слишком грубое имя, ведь я так любил мягкость, да и имя Мэтью мне нравилось больше остальных. Она обижалась на меня, не разговаривала несколько дней и даже запиралась у себя, не показывая мне сына. Можешь представить? Будто это только ее

сын. Он же и мой тоже, – начал мне доказывать он, с каждым словом повышая голос, будто боялся, что я не расслышу его. – А знаешь, как я ее переубедил? Я стал покупать ей цветы, много цветов. Потом начал интересоваться, какие она любит шоколадки, хотя раньше не считал нужным одаривать ее сладостями. Но сейчас была другая ситуация, мне следовало постараться. Так она и сломалась, моя женушка, моя миленькая и озорная жена, которая очень любила спорить. Не выдержала бурю моих признаний и решила прислушаться ко мне. Сказать, что я был рад – значит не сказать ничего. Сын мой был очень светлым в детстве, серые глаза, как я говорил, и большие, огромные губы, которые он облизывал, когда просил кушать. Я умилялся им. Приходя домой с работы, сразу же заходил к нему в комнату, которую мы с женой обставили очень красиво. Кровать посередине, стульчик и маленький диванчик. По-моему, ему нравилось, по крайней мере, он больше не плакал так часто, как в самом начале.

– А сколько ему сейчас лет? – перебил я его.

– А потом я начал кормить его из своих рук, – продолжил старик, не обращая никакого внимания на мой вопрос. – Жена сажала на стульчик, а я пытался научить есть ложечкой. Он ронял еду, пачкал одежду, ковер, волосы, лицо. Жизнь с его рождением изменилась очень быстро. Бессонные ночи давались тяжело, невозможно было просыпаться по утрам и ходить на работу, уставал сильно, почти все валилось из рук. Изнуренный заботой и уходом за ним, я возвращался, и

все начиналось заново. То качал его на подушке, положив на свои колени, то возился с ним почти до утра. Я и не знал, что жизнь с ребенком становится такой, но я очень любил своего Мэтью, лелеял его, покупал игрушки. Ему нравились машины, но я пытался приучить его к солдатикам, ведь после совершеннолетия были планы отдать его в военное училище, как когда-то меня мой отец. Папа в свое время внушил мне, что мужчина должен уметь воевать. Войны, к счастью, я так и не увидел, но я хотел, чтобы мое сокровище, мой маленький сыночек вырос храбрецом. Трусов я презирал с малых лет.

– Так он стал военным? – спросил я снова.

– И поэтому, – продолжил он, – как только сын вырос, я решил отдать его туда... Когда ему исполнилось 5 лет, мы выходили на улицу и собирали листья деревьев, я его научил делать из них букет, который мы вместе дарили маме. Его маме, не моей, – рассмеялся он.

На самом деле мой новый знакомый смахивал на ребенка, такие безобидные мысли. Я в жизни таких людей не встречал.

– Мой сын любил клубничное мороженое. Мне приходилось добираться до другого конца города, чтобы купить ему это мороженое. Привыкнув к частым подаркам, он забывал меня целовать, как делал это вначале, а потом и вовсе не благодарил. Но ничего, я совсем не думал об этом, главное, чтобы ему было хорошо.

– А что стало, когда он вырос? Кем он стал? – спросил я

у деда, повысив голос, чтобы он хотя бы на этот раз не проигнорировал мой вопрос.

– Мой сын действительно стал военным, как я того и хотел. Мы с женой складывали каждую копейку, я устроился на еще одну работу. Собрал нужную сумму, мы отправили его учиться. Было нелегко отпускать единственного ребенка, тем не менее мы проводили его до ворот и пожелали мира. Обнимались мы так, будто рушился мир, никто в тот момент не смог бы нас разнять. Мы с женой Люси тосковали, весь наш дом и улица опустели в тот же день. Нам не о чем было говорить с женой, вечера стали долгими, дни короткими. В нашем доме все напоминало о нем. Посуда, одежда, дверная ручка. Мне начало мерещиться его отражение, будто он не покидал дом и не переезжал в другую страну. Я не ходил с ума, нет, я просто очень сильно скучал по сыну.

– Так он отслужил и вернулся домой? Что случилось потом? – мне стало интересно, чем закончилась эта история.

– Мне надо отойти, – он ушел в конец автобуса и открыл окно.

Ему было плохо.

– Что с вами? Вы в порядке? – подошел я к нему.

Выглядел он действительно неважно.

– Да, все хорошо, – ответил он, вытирая пот с лица.

Мне почему-то подумалось, что сына его убили на войне, хотя, с другой стороны, последние лет двадцать никакой войны и не было.

Я не хотел на него давить, он был стар и не совсем здоров. Было видно, что продолжать свой рассказ он не хочет.

Ну а голова моя делала свое дело, я придумывал ему разную смерть. Автокатастрофа по дороге домой, драка или что-то в этом роде, ведь хулиганов везде хватает, а может, хулиганом был он сам. Кто его знает...

Слушая старика со смешной прической, я вдруг понял, у родителей к своим чадам какая-то особенная любовь. Когда рассказывал о своем сыне, у него горели глаза, он не видел и не слышал ни меня, ни весь этот мир.

Мы доехали до того самого города С. Старик даже не встал. Я собрался было подойти к нему, но что-то меня удерживало.

– Можете выйти на улицу, мы будем стоять минут 10, – прокричал руководитель.

Я решил сбегать в магазин за водой.

Моего старика встретили мужчина с женщиной.

– Простите, пожалуйста, – обратился я к ним, когда тот отошел в сторону по своим делам.

– Да? – повернулась ко мне женщина.

– А кем вам приходится этот мужчина?

– Джордж?

– Да, наверное, так его и зовут.

– Это наш дед, – ответил парень лет 25.

– То есть, вы его сын? – обрадовался я.

– Нет, не дай Бог, – проворчал он, оставляя в моей голове

кучу вопросов. – Будь я ему сыном, не поступил бы с ним таким образом.

– Как? Что стало с его сыном? – насторожился я.

– Ничего не стало, – мрачно сказал он. – Просто он отказался от своего отца.

– Что-о? – ужаснулся я. – Как такое могло произойти?

– Мы работники опеки, точнее, дома для престарелых. Вскоре после отъезда сына у Джорджа умерла жена. Он очень страдал, какое-то время приходилось даже кормить его с ложки. Сыну это надоело, хоть сам жил на пенсию отца. Домой приходил реже, гулял с друзьями, а после вовсе нашел себе жену, которая своим скверным характером была ему под стать. Вскоре он передал отца нам. Знаешь, что удивительно? Он и месяца не выдержал с ним. После вовсе и не навещал.

Я вспомнил его слова:

«А потом я начал кормить его из своих рук, – продолжил старик, не обращая никакого внимания на мой вопрос. – Жена сажала на стульчик, а я пытался научить есть ложечкой. Он ронял еду, пачкал одежду, ковер, волосы, лицо. Жизнь с его рождением изменилась очень быстро. Бессонные ночи давались тяжело, невозможно было просыпаться по утрам и ходить на работу, уставал сильно, почти все валилось из рук. Изнуренный заботой и уходом за ним, я возвращался, и все начиналось заново. То качал его на подушке, положив на свои колени, то возился с ним почти до утра. Я и не знал,

что жизнь с ребенком становится такой, но я очень любил своего Мэтью, лелеял его, покупал игрушки...»

– Да лучше бы он умер, – вырвалось у меня. – Лучше бы его сбила машина.

– Что? – удивленно спросил юноша.

– То, что вы слышали, – ответил я резко, будто во всем виноват был он.

Старик купил клубничное мороженое и лимонад.

– Это мороженое я купил сыну, – показал он нам с широкой улыбкой на лице.

– Но ваш сын... – начал было я, но парень в форме схватил меня за руку и потянул к себе.

– Я забыл тебе сказать, – произнес шепотом. – Старик думает, что живет со своим сыном, во сне разговаривает с ним. Никто из нас не напоминает ему о том, что случилось. Лучше так, чем осознавать всю эту драму. Мы ездили к его сыну, пытались уговорить, но все зря. В следующий раз нас даже не пустили на порог. Не стоит старику напоминать об этом, прошу вас.

Я подошел и крепко обнял старика. Он улыбался и обнимал меня в ответ. Кажется, несчастный напрочь забыл обо всем, что рассказал мне в автобусе.

– Берегите его, – попросил я их.

Имена их я так и не спросил, да и надобности в этом не было никакой.

Они попрощались со мной и уехали, а я вернулся в авто-

бус, так и не успев купить воды.

Старик уехал, но знать бы ему, какой след он оставил в моем сердце.

1008. К родителям относись так, как ты желал бы, чтобы твои собственные дети относились к тебе. Исократ. **(на отдельной странице)**

Почему нас с детства не учат взрослой жизни? Почему родители, объясняя то, что мы должны быть первыми и самыми лучшими, не рассказывают нам о том, с какими трудностями нам предстоит столкнуться. Почему нам не говорят о людях, которые будут строить козни против нас. О лицемерах, которые готовы продать собственную мать ради выгоды. В детстве нам все представляют в ярких цветах, будто и нет места чему-то злomu в этой жизни. А повзрослев, мы понимаем, что все те сказки, что нам читали перед сном, и в самом деле были лишь сказками, они никак не связаны с реальностью. Мы понимаем, что во взрослой жизни добро вовсе не побеждает зло. Почему нас не готовят к взрослой жизни так же, как готовят к экзаменам. Ведь вся наша жизнь хуже экзамена. Научили бы, как выжить среди гнилых людей.

Выходя из дома, я и представить не мог, что все переменится настолько быстро. Я, конечно, отправился в путь в поисках себя, но общаясь с другими, начал понимать, что про-

блем у меня вовсе и нет. Я лишь придумывал какие-то отговорки, пытаюсь воссоединиться с болью, которая отпустила меня давным-давно. Я начал познавать мир. Любил все прекрасное, но, когда прекрасное влюблялось в меня, мне этого начинало уже не хватать. Если бы каждый человек хотел стать просто счастливым, он смог бы этого добиться, но он желает быть счастливее остальных. И что для него значит счастье? Будет ли он счастлив, если получит все, о чем мечтает? Или будет хотеть еще больше? Человек непредсказуем...

(немного места оставь)

Я вспоминаю свое детство. Каждый день я любил пить компот, который готовила моя мама. С отцом собирал фрукты в саду. Мы всегда спорили, кто из нас наберет больше, но только с возрастом понял, что папа нарочно собирал медленнее, чтобы я выиграл. Сад мы тоже посадили вместе с отцом, нам помогала мама, она просто поливала эти растения из шланга. После мы играли во дворе, обливая друг друга водой. Мама принимала участие в игре, но потом ругала нас за то, что мы заходили в дом в мокрой одежде. «А куда ее деть-то?» – думал я тогда, ведь не снимать же ее прямо во дворе...

– Добрый день, как вас зовут? – спросила меня женщина из первого ряда.

«Нет уж, – подумал я. – Хватит с меня знакомств!».

Сделал вид, будто не слышу ее.

Она переключилась на другого соседа.

Мы общаемся с людьми, которые нам не интересны, получаем профессию, которую выбрали родители, а потом дни, месяцы и годы проводим на работе, которую часто ненавидим.

На одной улице со мной жил маленький мальчик, на десять лет младше меня. Он делал невероятные вещи, однажды даже раскрасил весь свой дом в яркие цвета. Цветы, звезды, небо и даже космос. Я наблюдал за ним из окна. Вечером с работы пришли его родители. Я не ожидал такой реакции – они стали избивать его так, что крик его разносился по всей улице. Им явно не понравилось его уличное искусство. На следующий день они вызвали рабочих, которые перекрасили все в красный цвет. В цвет боли, войны, как я считал. Его отправляли в школу, но через день он сбегал в школу искусств и продолжал делать то, что любил. Каждое утро он уходил в школу грустным и потерянным.

Прошло несколько лет, он вырос. И, кажется, смирился с тем, что ему не дадут заниматься тем, что нравится. Его внешность стала меняется. Сначала я относил это к переходному возрасту, а после я понял, творится что-то неладное. Родители гордились им, ибо он не пропускал занятий, осваивал выбранную ими профессию – собирался стать врачом. Они не замечали того, что замечал я, совсем посторонний им

человек, который редко выходил на улицу и почти не здоровался с ними. Их сын исхудал.

Однажды глубокой ночью я увидел, как он вылезал через окно. Комната его, по всей видимости, была на втором этаже. Я бегом спустился на первый этаж и побежал вслед за ним. Он часто оглядывался назад, но я был осторожен. Мы дошли до заброшенного гаража. Он зашел туда, я пробрался за ним и спрятался за пустыми ящиками. Здесь было еще несколько пацанов. Они делили между собой таблетки и порошки... Я вспомнил озорного мальчика, который очень красиво рисовал, того самого, кто хотел стать великим художником. Мне стало очень обидно. За него. За себя. Я вернулся расстроенный...

Он чах на глазах... Может быть и неправильно так думать, но родители его получили то, что заслужили. Он мог бы стать художником, вполне возможно, создал бы шедевры, которые обогатили бы мировую культуру. Не страшно, когда человек умирает физически, страшнее, когда он гибнет внутри себя.

...Мы останавливались почти в каждом городе, в одних для того, чтобы передохнуть, в других – переночевать. Так, доехав до города А, наш руководитель решил, что здесь мы остановимся на один или два дня. Снять номер в отеле было рискованно, условия были не совсем подходящими. Я решил найти съемную квартиру.

Каждый город имеет свой цвет. Здесь доминировал синий.

На скамейке, тоже, кстати, синего цвета, сидели старик со старушкой и мальчик лет 12.

В парке росли тюльпаны и светло-зеленая трава. Это было удивительно. В одном городе зима, в другом – почти весна, наверное, так и с людьми – у кого-то все хорошо, а кому-то очень плохо.

Симпатичный мальчик рядом со стариками был единственным, кто не сидел в телефоне. Я решил подойти к нему.

– Привет, – улыбнулся я.

– Добрый день, – ответил он.

– Как тебя зовут?

– Мет. Можете называть меня так, – равнодушно сказал он.

– Часто ты сюда ходишь?

– Ну да, часто. Я живу неподалеку. А вы? А вас здесь что-то не видел.

– Я приезжий.

– Беженец? – спросил он.

Судя по всему, беженцев было достаточно.

– Нет, не беженец. Я турист.

Мальчишка был спокойным, говорил медленно и внятно.

– А ты местный? – попытался я наладить разговор.

– Нет, мы приехали издалека. Живем надеждой, что скоро уедем на родину, – я заметил грусть в его глазах.

– А почему бы вам не уехать сейчас? – поинтересовался я.

– Пока нельзя, – спокойно, по-взрослому, произнес он.

Я не понимал его, но очень хотел узнать, в чем дело.

– А сколько вам лет? – спросил он.

– Я взрослый, намного старше тебя.

– А почему вы для отдыха выбрали именно этот город?

– Я путешествую по всему миру, этот город не первый и не последний на моем пути.

– Ну и как? Где понравилось больше?

– Оказывается, больше всего мне нравится мой родной город, – со всей серьезностью ответил я. – Лучшего места нет на всем белом свете.

– Я не мог дышать... – начал рассказывать он. – Мама говорила, что это скоро пройдет. Отеки с каждым днем душили меня. Я ложился спать, но просыпался от острой боли... С самого детства, когда другие дети играли, ходили в садик и строили большие дома из песка, я строил замок из историй моей болезни. Она была мне подарена Богом, видимо, он так захотел. Мама мне всегда говорила, что я не имею права жаловаться и что Бог испытывает тех, кого любит. Он любил меня. И любит сейчас. Я почему-то всегда помнил о Нем. С каждым днем Он любил меня все больше. Дом стал для меня покорным слугой, он горевал со мной и радовался, хотя горя ему пришлось испытать немало. Мой друг – это моя сестра, которая отказывалась от всего, что было противопоказано мне. «Видишь, – говорила она, – я тоже не ем, не такое уж оно и вкусное». А я смотрел на сочное яблоко, но все же верил ее словам... Она тоже страдала из-за меня,

впрочем, как и все мое маленькое семейство. Родители все время возились со мной, не успевая уделять ей внимания. Каждый раз, когда боль уходила, я надеялся, что она больше не появится. Но она вновь стучала в дверь, да так, что стены содрогались, и мне приходилось впускать ее.

– Тебе, наверное, надоедало это? – посочувствовал я.

– Я не собирался сдаваться, ведь сдаются слабые, а я сильный. По крайней мере, моя мама так говорила перед тем, как уложить меня спать. Сны мои были прекрасны. Я ходил в садик, у меня там было много друзей, научился танцевать. Порхал, как бабочка. Я танцевал очень красиво, на большой сцене, мне аплодировали, мной восхищались толпы людей... Но сны исчезали вместе с моим пробуждением, а танцевать наяву я был не в силах...

Я был очень слаб. Такое ощущение, будто кости мои превратились в прах и рассыпались внутри. Мне становилось очень больно. Я хотел заглушить эту боль, смотрел мультфильмы, играл в компьютерные игры, планировал жизнь на будущее. Мне очень хотелось в школу, и когда в самую облачную погоду неожиданно появлялось солнце, я хотел, чтобы оно своим светом озарило и мою жизнь. Чтобы хотя бы на одну неделю можно было отказаться от диеты, попробовать всякие вкусности или хотя бы фрукты. Но у меня была особая еда – минимум соли и сахара, минимум жидкости. Родственники называли меня воином. Я воевал против своих желаний, это была очень трудная борьба... Отеки были

такими, что знакомые проходили мимо, не узнавая меня, и только через несколько минут – «Ой, Лиза, это же твой сын!» Я видел жалость в их глазах, только лишь обыкновенную жалость, а в глазах родственников – безнадежность. Они смотрели на меня и понимали, что ничем не могут помочь, это их, наверное, терзало. Мне казалось, я умираю... Я очень хотел играть на улице до вечера, но быстро уставал. Над моей головой всегда были тучи, даже летом они ходили за мной, я считал себя отделенным от других. Люди думают, что круто быть не таким, как все, но мне так хотелось быть обыкновенным. Бегать по лужам и смеяться на всю улицу, как все остальные дети. Я очень хотел быть обычным ребенком. Этого, наверное, хотела и моя мама. «Ты справишься», – шептала она каждый раз, когда недуг начинал одолевать меня. Неправильно было бы сказать, что я боролся против смерти, ведь если бы смерть захотела, то меня уже давным-давно не было. Я боролся против своей болезни. С четырех лет. Я знал в лицо каждого врача скорой помощи. Закрывая ночью глаза, я надеялся, что открою их завтра. Сильнее меня была только моя мама. Чтобы накормить нашу маленькую семью, она каждое утро ходила на работу, и несмотря на свою молодость, не позволяла себе даже новое платье. «А что если сыну снова станет плохо, нужны же деньги». Я видел все. Как беда строит стены между мной и некоторыми родственниками, ведь больных не любит никто, так же как и некрасивых. Поняв, что недуг может совсем свалить меня, мы ре-

шили переехать сюда. Вы, наверное, думаете, что мы просто сели в самолет, приземлились в этом городе, и нам тут же дали жилье. Ах, если бы все было именно так. Когда ты уезжаешь куда-то, оставляешь дома сердце. Сложнее всего прощаться... Собрав в маленький чемодан все, что только можно было туда уместить, мы сели в машину, поехали на запад. Через заднее стекло я смотрел назад. Дорога уводила меня вдаль. Мне хотелось выбраться из машины и побежать обратно, но не мог.

Проехав тысячи километров, мы остановились у каких-то сеточных ограждений.

– Приехали, – объявил водитель.

Мы вышли из машины.

Я не знал, куда мы идем, но из разговора родителей понимал, что все это делается ради меня.

– *Bewegen Sie sich nicht, Sie sind verhaftet*, – услышали мы за спиной.

Это означало, что мы арестованы и что нам не стоит идти дальше, но тогда мы этих слов не понимали. Увидев людей с автоматами, решили, что нам следует просто стоять на месте.

Нас куда-то повезли. Я думал, что в больницу, но оказалось, нас везут в тюрьму. Я видел тюрьмы в разных фильмах, но не знал, что там бывает так холодно и страшно. Не прошло и часа, как я без сознания упал на колени мамы. Звук сирены, чьи-то голоса и вздохи. Запах лекарств проникал в мой открытый рот. Я слышал разговоры, но не мог понять,

почему люди говорят на непонятном мне языке. Тогда мне казалось, что это язык врачей, я и понятия не имел, что нахожусь в другой стране. На носилках меня отнесли в палату. Я видел слезы на глазах моей мамы, они текли по ее щекам. Я хотел встать и убрать их, но не был уверен, что справлюсь с этим... Врачи часто заходили ко мне в палату, клали руку на запястье, пульс был, значит еще не время умирать. Маму ко мне не впускали, она сидела у двери, не смыкала глаз и ждала хороших новостей.

– Долго там лежал? – спросил я.

– Да, довольно долго. Нас выписали через несколько месяцев. За это время я перезнакомился со всеми, кто там работал. Я слышал их имена, но сразу не смог запомнить. Оказывается, не так важно знать язык, важнее иметь доброе сердце и улыбку.

– И у тебя плохая память на имена? – чуть улыбнулся я.

– Нет, просто имена были другими, не похожими на тех, что я слышал у себя на родине.

Нас с мамой отвезли в какой-то многоэтажный дом, в котором жили и белые, и черные, и другие всякие. Зашли в небольшую комнату, где нас ждали сестра и папа. Мы так обрадовались друг другу! Обнимались и обнимались.

1009. Верить и ждать. Вот что главное.

(на отдельной странице)

Если бы можно было остановить жизнь на одном моменте,

я бы остановил ее там, где ты смотришь на меня с любовью.
(на отдельной странице)

Береги себя. (на отдельной странице)

Вся наша жизнь проходит в пробках, перед светофорами, которые решают, идти нам дальше или нет. Вся наша жизнь проходит на занятиях, мы смотрим через окно на закаты, которые хотели бы завоевать, но взгляды привлекают преподавателей, что против того, чтобы мы смотрели в сторону. Жизнь проходит... «Когда-нибудь напишу книгу, сочиню стих, поеду путешествовать...» Все бы ничего, если бы это «когда-нибудь» не означало то же самое, что и «никогда». Красота... Невообразимая красота перед нашими глазами, которой мы не успеваем насытиться. «Слишком дорого, слишком долго, времени нет.» А может, это у времени нет нас. Мы так спешим, что забываем обо всем важном. Если бы не все то, что мир дает тебе, что бы Ты мог дать ему? Вдохни жизнь, забывайся в сумерках своих желаний, и наконец выйди из зоны комфорта и начни жить. Оттолкни от себя всех, кто тащит тебя на дно. Грустные люди бывают заразными, найди покой в себе, и тогда, то, что снаружи, не будет беспокоить, будь это гром, лужи и даже война. Утихомирь бунт внутри себя. Хватит жить в сомнениях. Если тебе не нравится твоя работа – уходи оттуда, если тебе не нравится черный цвет – не носи. Все очень просто, гораздо проще, чем ты ду-

маешь. Другой жизни у тебя не будет. Ты больше не будешь испытывать холод или тепло. Ты больше не будешь выходить на улицу в 4 часов утра и вдыхать воздух, который никого до тебя не коснулся. Жизнь кипит. Перед тобой. Сейчас. Так не стоит же медлить. Не стоит загонять себя проблемами, ненужными спорами и неосуществимыми, ненужными тебе мечтами, которые на самом деле и не твои, а соседа, что живет по своим принципам. Схватись за жизнь. Возьми ее за глотку и потащи к себе. Распоряжайся жизнью, пока она не распорядилась тобой. Начни сейчас. Нет времени ждать.

1010. Просто живи. **(на отдельной странице)**

Я за то, чтобы родители учили своих детей уважать других. Чужие интересы и взгляды. Если бы все это было запланировано изначально, и если бы родителям в больницах сразу выдавали таблицу с названием «как правильно воспитать ребенка», думаю, жить стало бы проще. Я терпеть не могу некультурных детей. Не говорю о тех, кому до 14 лет, когда человек мал, он прекрасен. Я говорю о больших детях, которые думают, что им все можно. Захотел оклеветать другого – клеветал, захотел испортить ему жизнь – испортил. Я очень уважаю старших. Но, пожалуйста, пусть они научат своих детей не быть предателями, сплетниками и подлизами. Предатели хуже убийц. Ибо убийцы убивают сразу, а предатель просто наносит удар в спину. И с этим приходится жить.

– Мы жили в общежитии, – продолжал мальчик. – Я смотрел на все окружающее и стеснялся сказать родителям, что хочу домой. Что скучаю по нашим соседям, несмотря на их ворчливость, что очень хочу болеть дома, а не здесь. Но я видел в их глазах не тоску, а страх. К ним подходили разные люди и на своем языке говорили о чем-то, но мои родители не понимали, о чем идет речь. Мы с сестрой крепко держались за руки, храня между ладонями то, что соединяло наши сердца, я считал нас одним целым, когда плакал я, плакала она, а когда было больно ей, мне тоже становилось больно. Этот мир вдруг расширился перед моими глазами. Я думал, что в мире живут только люди моей национальности и что человек не может быть черным (мама говорила, что нельзя называть их черными, это неприлично). Да какая разница, думал я, ведь они все равно не понимают. «Но ты ведь понимаешь»,

– отвечала она мне. Я не стал перечить. У еды не было никакого вкуса. Я знал, что моя мама хорошо готовит, не думал, что лучше всех, убедился в этом. Диеты я придерживался и там, все, что они подавали, мне нельзя было есть, пробовал лишь изредка, да и то было совсем не вкусно. К нам начали приходить люди, они все еще говорили на непонятном языке. Но теперь с ними была женщина, которая переводила на понятный нам язык. Составив какие-то бумаги, люди в форме уехали.

– Что же с нами будет? – спросила сестра у мамы.

– Я не знаю, надо подождать, – ответила мама, тихо опустив глаза ...

Я пристально вглядывался в ее лицо. До боли родные глаза становились чужими. Я смотрел с любовью, с большой любовью. Невозможно было поверить, что этот человек меня предал. На один миг перед глазами пронеслись наши с ней дни, как грустили, каждый о своем, как вместе смеялись. На самом деле, предательство – это то, чего мы не заслужили. Даже злейший человек на земле не заслуживает предательства. Очень сложно пережить потерю, но сложнее всего жить, не зная, что рядом человек, который не только пойдет с тобой на край света, но также и при удобном случае столкнет тебя в пропасть. Так и возникает броня внутри. Нас сильными делают наши же люди, чужие не имеют к этому никакого отношения, ранить может лишь тот, кто рядом. Но мы часто забываем про это.

Я чувствовал, как холодные слезы стекали по моим щекам. Вспоминал, как их описывают в книгах – горячие, чуть ли не обжигающие плоть. Врут в книгах про слезы. Наверное, мои шли от самого сердца. Ведь сердце мое сегодня – это кусок льда. Я никогда не понимал людей, которые не испытывали такого чувства хотя бы раз в жизни. Мне казалось, что если человек вовсе и не сидел вот так и не страдал, то он не достоин и счастья. Ведь все, что достается легким путем, в конце концов, наскучивает. В тот период мне все да-

валось с трудом. И даже имея столько людей вокруг, я оставался одиноким.

1011. На самом деле, предательство – это то, чего мы не заслужили. **(на отдельной странице)**

Рассказ мальчика растянулся в вечность. Я сидел рядом с ним и проживал его жизнь у себя в голове, позабыв о своей, о том, что мне нужно уходить и найти жилье для ночлега. Мне было очень интересно, что с ними случилось дальше и как им удалось выйти из такой сложной ситуации.

– А теперь... Наладилось все? – спросил я, заинтересованный историей мальчика.

– Вы когда-нибудь слышали о диализе? – вдруг ответил он вопросом на вопрос.

– Слышал пару раз, а что?

– Диализ заставляет почки работать на человека. А ведь они и так работают на него, подумаете вы, как и я в свое время. Но нет, это неправильное суждение. Мы всю свою жизнь работаем на свои органы. Работаем во всех смыслах этого слова. Обыкновенная диета – доказательство этому. Я уважаю мнение каждого человека, но не говорите, что вы со мной не согласны?!

– Согласен, конечно. Как тут не согласиться.

– Общежитие и тюрьма не сильно отличались друг от друга. Со всех сторон злость и ненависть. Нас нигде не ждут.

Только лишь дома. Это я понял, находясь здесь и пытаюсь привыкнуть к новой жизни.

– Все настолько ужасно? – спросил я, пытаюсь уместить его рассказ в своей до невозможности загруженной голове.

– Для меня... да. Мне все казалось серым, и эти люди были неприятны. Я привык к тому, что на моей родине люди смотрят друг на друга с любовью. О любви тут и речи не было.

Людей в парке становилось все меньше, вечер накрыл крыши многоэтажек и устремился нам под ноги.

– А как дела сейчас? – не унимался я, боясь, что он уйдет и мне не удастся услышать конец рассказа.

– Не спешите, – произнес он, стиснув зубы. – Если вам интересно, я расскажу понемногу.

Я не хотел его обижать, просто с детства любил получать все сразу, с годами так и не освободился от этой привычки.

– У нас стало все налаживаться. Мама не переставала благодарить Бога за то, что мы выбрались из этой неопределенности. Едва знакомые люди начали приходить к нам чаще, да и визиты в больницу стали привычными. Почти каждый день я лежал под иглами и аппаратурой, которая не вызывала у меня доверия. Врачи и медсестры начинали мне улыбаться, даже пытались заговорить. Мама всегда находилась рядом со мной. «Тебе не больно?» – все время спрашивала она, я всегда отвечал, что не больно. Но это было не так. Если бы моя боль передалась земле, она, наверное, сгорела бы дотла. Но

я оставался непоколебимым, ибо боролся не в одиночку. За мной стояла моя маленькая семья, которая жаждала победы над болезнью.

Он выглядел спокойным.

Становилось холодно.

– Я выучил некоторые слова на их языке и уже кое-как общался с ними. На праздники врачи заходили ко мне, пытались как-то развеселить меня. Я понимал, что первое впечатление всегда бывает обманчивым, я подружился со многими, а некоторые даже звали к себе в гости. С этих пор я полюбил эту страну и этих людей. Старое жилье тоже осталось в прошлом, мы переехали в другое место, где было чище и уютнее, но минус был в том, что у нас совсем не было денег. Я считал это минусом до тех пор, пока не узнал, что никому от нас эти бумажки и не нужны, тут за все платили хорошим поведением...

– Ну а как же твое здоровье? Они нашли лекарство для тебя?

– Да, можно сказать и так. Хотя больница и не освободила меня от своих цепей, но цепи эти больше не мешали мне, скажу больше, они были украшены цветами. Теми людьми, которые пытались меня вылечить. Я научился находить плюсы во всем и только после этого почувствовал себя счастливым. Болезнь стала неотъемлемой частью моей жизни, но не тяжким грузом как раньше.

– Ну а сейчас? – спросил я, радуясь хорошему концу.

– А теперь мы живем хорошо. У нас есть квартира. Пусть она и не принадлежит нам, но все равно там очень уютно, почти как дома.

Однако после этих слов он как-то подозрительно смолк. Потом тихо, с усмешкой на губах произнес:

– Вру... – и опустил глаза, полные невыплаканных до конца слез. – Даже спустя столько лет, – продолжил он, – я ни один день не переставал думать о своем доме. Прокручивал в голове, как пойду в гости к бабушке с дедушкой и обниму их, расскажу обо всем, что нам довелось пережить. Я сам хотел рассказать им все и видеть, как они восхищаются моей храбростью. Мама говорит, что мы скоро уедем отсюда. Я не могу дождаться этого дня. Ведь мы здесь уже 5 лет. Это очень долго... Как же я хочу домой... – с грустью добавил он и затих.

Пора было уходить. Мальчик пожал мне руку.

– За мной пришли, – сказал он. – Давайте я вас познакомлю с моими.

Я не желал показаться навязчивым, но все же хотел увидеть родных мальчика.

– Это моя мама, Лиза, отец, Якуб, и сестры – Танзила и Разита, – представил он каждого. – Этот уважаемый путешествует, только я забыл спросить, как его зовут.

Родители переглянулись и посмотрели на меня.

– Так откуда вы приехали? – спросила меня Лиза.

– Я из города К. Вы не подумайте ничего, – поспешил я

успокоить их. – Просто разговорился с вашим мальчиком. Я здесь проездом, ищу жилье для ночлега. Решил немного прогуляться по парку, так и встретил Мет.

– Город К находится в стране А? – спросила та, которую мне Мет представил как Танзилу.

Рядом с ней стояла еще одна маленькая девочка, в рассказе о ней не говорилось ничего, судя по возрасту, в их семье она появилась совсем недавно.

– Да, – ответил я. – Все они были красивыми и чистыми. И одеты тоже были скромно, особенно девочки. Маленькие носы и большие сердца, такими я их и запечатлел в памяти.

– Так вы нашли себе жилье? – спросил Якуб, одетый в джинсы и синюю футболку. Выглядел он лет на 35.

– Нет, я пока и не искал, – ответил я.

– Если хотите, можете переночевать у нас, мама приготовила на ужин наше национальное блюдо, уверен, вам понравится, – предложил Мет. – Так ведь, мама?

– Да, конечно, можете остаться у нас.

– Оставайтесь, – поддержал Якуб.

Но я не мог. Никогда не любил ночевать даже у родных, не говоря уже о малознакомых людях. Но их поддержка и гостеприимство тронули меня до глубины души.

Я постоял с ними еще минут тридцать. Рассказал свою историю. Узнав меня ближе, они стали настаивать, чтобы я переночевал у них. Но я предпочел отказаться. Тепло попрощался с этой дружной семьей, пожелал им счастья. Хотя по

ним и так было видно, что счастье, и без моих пожеланий, не обошло их стороной.

1012. Пусть светлым будет твой путь. **(на отдельной странице)**

Я отправился на поиски места для ночлега. Погода менялась очень быстро, я пожалел, что взял с собой из теплых вещей только одну куртку, но меня согревало мое сердце. Я никогда не думал, что такое может быть, но оно нашептывало мне, что уже не болит и не собирается болеть.

Я вспоминал свой дом, свой город и то пространство, которое принадлежало только мне. Никто не забывает места, где им нанесли травмы, ну а измена для меня, это когда человек забирает ту часть сердца, которую ты посвятил другому. Ну и живи после этого, ну и верь людям. Сложнее всего нам дается прощение. Трудно простить того, кто воткнул тебе нож в спину, ведь человек умирает столько раз, сколько разбивается его сердце.

1013. Ведь человек умирает столько раз, сколько разбивается его сердце. **(на отдельной странице)**

Я подбирал слова для своих стихов, за эти недели на меня повлияло многое. Я брал в руки блокнот, записывал слова, потом вычеркивал, осознавая, что слова эти слишком слабые, чтобы передать то, что со мной случилось. Я стоял по-

среди улицы и разглядывал дома. Аптека, магазин, ресторан. Я вспомнил, что давно не ел. Пустой желудок напоминал о себе все настойчивей, угрожая отдаться какой-нибудь хвори. Лекарства я не любил, да и боль тоже, хотя кто ее любит-то. Я решил перекусить в ресторане. Теперь я не спешил никуда так же, как никто не спешил ко мне.

Находясь вдали от дома, в чужой стране, я вдруг почувствовал себя нужным. Пусть рядом со мной нет никого из близких, но я был нужен себе. Я начинал понимать, что это важнее, чем быть нужным целому миру. Ведь весь мир начинается с нас. И лишь полюбив себя, можно обрести все.

Учеба в школе и университете очень пригодились мне. Набираясь знаний, человек будто хватается за щит и спасает себя от многих ударов. "Без английского языка вы пропадете," – повторял наш учитель на каждом уроке. Еще месяц назад мне хотелось с ним встретиться и спросить: «Я хорошо знаю английский, тогда почему так запутался в своей жизни? Почему вы нас обманывали?» Английский язык помог мне познакомиться со многими людьми, но без жизненного опыта в учебе мало пользы. Зря тратил свое драгоценное время.

Я сел за пустой стол и стал читать меню, но думал совсем не о еде. Каким образом зарабатывает хозяин этого помещения, пойдет ли завтра дождь и сдадут ли по ночам номера и квартиры. Но вдруг я вспомнил, что в этой стране квартиры просто так не сдают, тем более случайным клиентам.

Я знал, что завтра мы поедем обратно домой. И потому

мне хотелось чего-то безумного. Хотелось танцевать, забравшись на стол, заказать всю еду, что была указана в меню, но это было совсем не то, чего я желал на самом деле. Именно в тот момент, когда подошла официантка, я встал и... стал наставлять на путь истинный присутствующих.

– Не цепляйтесь за прошлое...

Все сразу же повернулись в мою сторону, позабыв о яствах. Как я понял позже, тут готовили очень вкусно.

Не живите обидами,
Вспоминайте хорошее,
Никому не завидуйте.
Все, что небом Вам послано,
Принимайте как должное,
Все, что сделано, – к лучшему.
Как бы ни было сложно,
На судьбу не ропщите,
Каждый миг будьте счастливы,
И других не судите
За их слабости частые.
За любимых боритесь
Богом данными силами,
На слова не скупитесь,
Будьте нежными с милыми.
Как же просто жить радостно!

Восхищайтесь закатами,
И влюбляйтесь всей страстью
В жизнь свою полосатую.

С закрытыми глазами я пронесся этими словами по своей душе, которую так долго угнетал, не давая ей вздохнуть. Все стали мне аплодировать, кто-то сидя, кто-то стоя.

– Что вы закажете? – подошла ко мне миловидная девушка с русыми волосами и в белой кофточке.

– Можно мне мясо с овощами и черный чай с малиной?

– Что-то еще? – спросила она.

Только после этих слов я поднял голову и посмотрел на ее лицо.

Темно – зеленые глаза с желтоватым оттенком были накрашены светлыми тенями, немного смуглая кожа усыпана веснушками, будто ее целовало само солнце. Я не мог оторвать взгляд, смотрел на нее как больной.

– С вами все хорошо? – спросила она улыбнувшись.

Я был уверен, что она прочитала мои мысли.

– Нет, – ответил я спешно. – То есть, да, конечно, со мной все хорошо, просто задумался немного. Больше ничего не нужно. Только воду, если вам не трудно.

Она попросила у бармена воду, принесла ее и положила на мой стол.

– Кстати, мне очень понравились ваши стихи. Они в самом деле ваши?

– Разве я похож на поэта? Нет-нет, поэтом меня никак не назовешь.

– А вот я люблю писать, – присела она напротив меня.

– Да? – удивился я. – И что вы пишете? Романы?

– Нет, до этого еще не доросла, – опустила она глаза в смущении. – Пока только стихи.

– Я люблю стихи, – признался я, хотя это было видно по тому, что сотворил здесь несколько минут назад. Только слушать стихи люблю больше, чем их читать, – намекнул я на то, что не прочь был бы послушать что-нибудь из ее творений.

– Мия, – крикнул администратор.

Она вскочила на ноги.

– Простите, – проронила она. – Мне нужно идти работать.

«Мия» – прошептал я. Значит вот как ее зовут.

Принесли мой ужин, только вот на этот раз подошла не Мия, а другая девушка. Поджаренные на среднем огне овощи и мясо, приготовленные в духовке, чуть подняли мое настроение. Ресторан пустел, а стрелки часов стремительно приближались к 12. Вскоре я остался один. Я допивал последними глотками свой чай без сахара и ждал, пока появится она. Моя знакомая незнакомка.

– Простите, – подошла ко мне официантка. – Мы закрываемся. Если вы хотите, мы положим ваш оставшийся ужин в контейнер.

– Я как раз собирался уходить, – ответил я, вставая и хватаясь за куртку. – Только хотел спросить: где ваша коллега

Мия?

– Мия? – переспросила она. – А-а, да, конечно, Мия. Она здесь не работает.

– Как? – удивился я. – Ведь пару часов назад мы сидели вместе. Уж не хотите ли вы сказать, что я сошел с ума?

– Нет, конечно, дайте мне сказать, сэр. Она пару дней замещала свою кузину, сегодня как раз был второй день.

– Как я мог ее упустить, – взялся я за голову.

– Простите, сэр? – спросила она, то ли удивившись, то ли не расслышав то, что я сказал.

– Ничего-ничего. – А вы знаете где она живет?

– К сожалению, нет.

– А можете спросить у ее кузины?

– Она уволилась отсюда неделю назад, Мия отработывала ее последние дни. С завтрашнего дня у нас будет новая работница.

– Понятно. Извините. Всего доброго.

Я решил переночевать в этом же ресторане, в комнате для персонала. Там обычно ночует стажер, но к счастью, он решил взять сегодня выходной, и потому ночевал я в одиночество.

Утром меня разбудила уборщица. Я думал, что на часах только 10, оказалось – 3 часа дня.

– Ну что, отдохнул? – зашел вслед за ней администратор.

– Да, спасибо, что позволили мне здесь остаться, – встал я с кровати.

– Никаких проблем. Это лишь малая часть того, что мы смогли бы сделать для путешественника.

В комнате запахло хлоркой, у меня с университетских лет была аллергия на нее. Я решил пойти в зал и позавтракать.

Цветовая гамма ресторана сменилась на синий цвет, на самом деле переключили лишь свет, а было такое чувство, будто перекрасили все, включая и посуду. Так и у нас в душе. Думы человека могут изменить все, и потому следует очень бережно относиться к тому, чему мы посвящаем мысли.

1014. Следует очень бережно относиться к тому, чему мы посвящаем мысли. **(на отдельной странице)**

Поев салат «цезарь», который мне встречался в каждой стране и в каждом городе, я решил ждать Мию и сегодня. Брал в руки салфетки, рисовал на них пальцем невидимые узоры и стирал их невидимым ластиком. На самом деле я просто не знал, что мне делать. Просидев на этом самом месте 7 часов, решил, что пора уходить. Уже через два дня я должен был отправиться домой, а лелеять призрачные надежды не было времени. Меня переполняла злость. За то, что зря просидел там допоздна, но больше за то, что упустил возможность поближе с ней познакомиться. Мне ни за что не найти ее в огромном городе за пару часов.

Я обошел почти весь город. Когда суставы забили тревогу, я сел на скамейку в скверике у белого дома.

Накрыв себя курткой, я прилег на скамейке и почти сразу же заснул.

Розовые поля были засыпаны снегом, я шел по этим полям и не мог понять, как все это ужилось вместе. Почему солнце не растапливает снежинки и почему снежинки не морозят цветы. Я шел к чему-то, оно стояло вдали, я видел это, но не так внятно, чтобы понять, что или кто это. Путь мой был долгим и тернистым, под покровом цветов прятались колючие кустарники. То шел дождь, то небо становилось желтым от солнца, то черным. От чего оно становилось черным, я так и не понял. Многие люди проходили мимо меня, я пытался заговорить с ними, спросить, где я нахожусь, но они молча проходили сквозь меня. Это меня не остановило. Я должен был дойти. Я шел. Изнурительно долго, утопая в поту. Успокаивал себя тем, что идти осталось немного. Я почувствовал, как кожа моя начала съезживаться, она покрылась морщинами и обрела совсем другой цвет. Во всем теле небылая слабость, обувь жмет ноги. Скинул ботинки и увидел исхудавшие ступни. В них совсем не было сил. Но это меня не остановило, я упорно шел вперед. Наконец, увидел чей-то силуэт. Мне следовало дойти до него, иначе все это не имело бы смысла. Он стоял ко мне спиной. Я схватил его за плечи и повернул к себе. Я вздрогнул – передо мной стоял я сам. Все это время я шел к себе. Оказывается, проходя через все эти преграды, я шел к себе. К настоящему. И мир замер в ожидании.

– Сэр! Простите, сэр! – кто-то пытался вернуть меня в реальность. – С вами все хорошо, сэр? – доносился до меня женский голос.

Я открыл глаза.

– Вам плохо? Может скорую вызвать?

Я окончательно проснулся.

– Нет, все хорошо. Я просто задремал на пару минут.

Попытался встать, но почувствовав слабость, снова сел. Спина болела от плоских досок. «Лучше бы не ложился вообще», – подумал я про себя.

– С вами точно все хорошо? – переспросил все тот же голос.

Я протер глаза и обернулся.

– Да, все хорошо, не переживайте... Мия?

Да, передо мной действительно стояла она.

– Неужели это ты?

– Вы? Что вы здесь делаете? – испуганно промолвила она в ответ.

– Я решил тут полежать, не успел снять номер. Я искал тебя в том ресторане, почему ты ушла не попрощавшись? Что ты тут делаешь в столь поздний час?

– Так я же живу здесь, – указала она рукой на белый дом, перед которым я заснул.

Неужели... Неужели сама судьба привела меня к ней.

– Может к нам зайдешь? Я живу с бабушкой и дедушкой, мы угостим тебя чаем, ты, должно быть, совсем ооченел.

Странно, ведь когда я ложился, было не так холодно.

– Нет, все хорошо. Я пережду ночь здесь, если вы не против, конечно.

Она не собиралась уходить. Я видел это по ее глазам.

– Не нужно здесь ждать, пойдем, они тебя уже ждут. Мы не такие бессердечные, чтобы безучастно смотреть, как бездомный человек лежит на улице.

– Бездомный? – улыбнулся я. – И вовсе не бездомный, у меня есть свой дом, просто он далеко.

– Дом – это не только место для проживания. Дом – это место, где тебя понимают, – прошептала она.

Мы молча зашли к ней домой.

Дом был довольно уютным. Розовые обои, красные диваны. Я ненавидел яркие цвета, но тут чувствовал себя хорошо, ибо рядом была она, моя знакомая незнакомка.

– Бабушка, дедушка, познакомьтесь, – завела она меня в гостиную. – Это наш гость, эммм.

– Адам. Я Адам, – чуть ли не прокричал я.

– Да, Адам, точно. Мы с ним познакомились в ресторане, когда я замещала Розу.

– Очень приятно, – с улыбкой протянул я руку дедушке, но тот не стал пожимать мою руку.

– Добро пожаловать, сынок, – произнес он, притянул меня к себе и обнял.

Это меня немного удивило.

Я обнял его в ответ.

– Ой, я как раз приготовила пирожки. Давайте есть пирожки, – предложила бабушка.

– Вы готовите по ночам пирожки? – улыбнулся я.

– Да что там пирожки, – засмеялась Мия. – Мы целыми сутками не спим. Такова наша беззаботная жизнь.

– А что вы тут делаете? – спросил дедушка, когда мы уселись за стол.

– Я просто прилег на скамейке. Комнату мне в это время никто не сдал бы.

– Да я не про это, – прервал он мое объяснение. – Что вы делаете в этой стране? Вы же не местный.

– А, вы про это. Я путешествую.

– А откуда вы приехали?

– Из страны К. Это далеко отсюда.

– Знаю-знаю, – усмехнулся он. – Я когда-то жил в той стране. Кстати, там мы познакомились с моей женой.

– Удивительно, – произнес я. – Даже не верится. А что вы здесь делаете? Почему не едете домой?

– Думаю, скоро так и случится, – встал он с грустным лицом и ушел в другую комнату.

Бабушка пошла за ним.

Наступила тишина.

– Что? – спросил я у Мии. – Я что-то не то сказал?

– Да нет, все хорошо, – ответила она, убирая остатки еды в холодильник. – Недавно мы получили уведомление. Нас депортируют. Завтра. Очень страшно, когда тебя выгоняют

из страны.

– Как это возможно? – окаменел я. – Ведь это ваш дом. Как можно вас отсюда выгнать?

– Этот дом нам предоставило государство, а мы имеем лишь то, что у нас в руках. А в руках, как видишь, ничего, – развела она руки. – Лишь надежда. Она – то остается всегда.

Этот дом начал темнеть. Нет, он имел прежние цвета, но мне в нем стало настолько грустно, что мне он представился темным. Как и состояние моей души. Мир остановился...

Уже начало светать. Как я понял со слов Мии, их выселят на рассвете. И все потому, что никто в их семье не работает. Со стариками понятно, но как объяснить чиновникам, что Мие приходится ухаживать за ними. Самим заботиться о себе у них уже нет сил.

– Так и живем, – грустно промолвила она. – Сегодняшний день станет для нас последним в этом доме, даже не верится.

Преодолев некоторую растерянность, я все же решил спросить:

– Прости, а где твои родители? Почему ты живешь не с ними?

Мия поменялась в лице. Отложив в сторону тарелки, она присела на стул.

– Моих родителей давно уже нет в живых. Их не стало, когда мне было 5 лет. Я даже толком не помню их лица, но все равно люблю. Отдала бы все на свете, лишь бы увидеть их хотя бы на один миг.

Мне не хотелось говорить о грустном, ситуация была не из легких, а я, сам того не подозревая, еще больше омрачил ее.

– Извини, – произнес я. – Не хотел тебя обидеть.

– Все нормально, – снова принялась она за посуду. – Я понимаю, ничего страшного.

– Я потерял своих родителей чуть раньше, мне тогда было 20 лет. Позвонили моему куратору в школе, сообщили, что они попали в автокатастрофу. Тогда шла пара, я и не подозревал ни о чем, просто конспектировал лекцию, но когда постучались в дверь нашего кабинета, у меня что-то оборвалось внутри. Я не хотел, чтобы меня жалели. Без родителей жизнь не имеет никакого смысла.

– Да, ты прав. Хотя ты и не любишь, когда тебя жалеют, я все же сочувствую тебе. Правда.

Наступило утро. Тьма сдалась свету. На траве лежали капли дождя. Лежали спокойно, зная, наверное, что они обречены и скоро высохнут. Мы не сомкнули глаз, ну а старики уже собрали вещи. Этот день для них был печальным, с минуты на минуту должна была приехать полиция.

– Вот и все, это последнее, все остальное собрано, – положила в чемодан Мия свой свитер фиолетового цвета.

– Трудно? – спросил я, прекрасно понимая всю глупость этого вопроса.

– Очень, – ответила она траурным голосом. – Сердце болит так, что дышать невозможно.

Иногда судьба приводит тебя к твоим мечтам, через пре-

грады ведет тебя к тому, чего ты заслужил, к чему ты стремился.

1015. Дом – это место, где тебя понимают. **(на отдельной странице)**

Подарите мне духи. Духи с запахом встреч, которые я до боли хотел бы забыть. С запахом еды, что я заказывал с родными людьми, которые когда-то отказались от меня. С запахом одежды, в которой я когда-то был счастлив.

Я обещаю ими не пользоваться. **(на отдельной странице)**

В ее доме пахло апельсинами, от избытка этого запаха мне на миг показалось, что я потерял обоняние. По всей квартире лежали лепестки красных роз, видимо, это было сделано для красоты.

– Хочешь поговорить о своих проблемах? – спросила она меня, складывая кухонные полотенца.

– Пусть все это останется в прошлом, – ответил я, осознавая, что освободился от всего этого.

– Долго ты грустил? Месяц? Год? – продолжила она.

– Оказывается, всю жизнь, – покачал я головой. – Я грустил всю жизнь, до сегодняшнего дня.

Неприятные воспоминания расстилались передо мной красным ковриком, по которому я шел за своей наградой.

Мне очень хотелось, чтобы наградой стала эта девушка.

Светлая мебель, голубые стены и ее волосы, собранные в бантик. Здесь было идеально все.

Старики уже спали, мы с Мией поднялись на второй этаж.

– Ты можешь спать здесь, – открыла она дверь в пустую комнату. – Есть пижама, дедушка не надевал ее ни разу.

Спальня была светлой, окна без жалюзи, стол с цветами и несколько картин.

– Ван Гог? – спросил я. «Звездная ночь» Ван Гога?

– Как же ты правильно сказал, – прошептала она в ответ.

Звездная ночь. У каждого она своя.

Я очень хотел, чтобы она поговорила со мной о своей семье, о том, как выглядели ее родители, как они ее любили и как она не любила себя, когда их потеряла. Хотел знать обо всем сокровенном, о всех тайнах, что она прячет у себя внутри. Целиком и полностью. Я хотел знать, сушит ли она волосы сразу после мытья или же оставляет их на ночь. Любит ли она ложиться с подушкой или предпочитает спать без нее. Прости меня, Кристи, но такого интереса у меня не было даже к тебе. Я смотрел в эти красивые и большие глаза, понимая, что хочу знать о ней все.

Несмотря на то, что мы легли поздно, сон охватил все частицы моего мозга. Я хорошо отдохнул и встал бодрым. Обычно я никак не мог заснуть в гостях. Здесь же я чувствовал себя дома.

Из открытого окна волнами накатывал густой аромат пах-

лавы, который вскоре наполнил собой каждый уголок моей уютной комнаты. Запах грецких орехов вперемешку с терпким духом весеннего меда мягко карабкался к самому мозгу, приятно дразня ноздри. Кажется, целую вечность так пролежал бы... И не вставал бы, пока брэнное тело и бессмертная душа не насытятся этим благоуханием...

Я с неохотой открыл глаза.

Надел тапочки и спустился вниз. Бабушка с Мией что-то готовили в духовке, дедушка мастерил скворечник.

– Доброе утро, гость ненаглядный, – посмотрел он на меня, услышав звук моих шагов.

– Доброе утро, дедушка, – подошел я к нему поближе. – Вам помочь? Дайте я подержу.

– Было бы хорошо, – взялся он за гвозди. – Побереги пальцы.

Женщины были заняты своими делами, накрывали стол всякими вкусностями.

– Вот и все, – смотрел довольно дедушка на свое творение. – Теперь можно и на дерево повесить.

– Только после завтрака, – присоединилась к нашей беседе бабушка. – Доброе утро, дружок, – обняла она меня как родного.

– А как же! Я голоден как волк, потрудился, пора подкрепиться, – засмеялся дед.

Его золотые зубы сверкали.

На столе стоял графин с апельсиновым соком, какие-то

сладости с орехами и куриная запеканка.

Я будто очутился у себя в старом доме.

– Привет, – поздоровалась со мной Мия. – Как выспался?

– Отлично, спал как младенец, – ответил я, кладя в тарелку салат.

– Еще бы, – вмешалась бабушка. – Эту пижаму я купила мужу 10 лет назад. Он не хотел ее надевать, оказалась мала, но с какой любовью я ее выбирала!

Мы рассмеялись. Дружно, как одна семья. Маленькая дружная семья. Мне очень не хотелось, чтобы все это заканчивалось.

После завтрака вышли на улицу погулять.

Город дышал свежим морским воздухом. Все вокруг куда-то спешили: дети в школу, молодые в колледжи и университеты, кто-то на работу. Тут же и старики, которым вроде бы и спешить-то некуда, однако и они мелкими шажками семенили по мостовой, будто подгоняя жизнь, и так уже подбирающуюся к своему закату. Купив по дороге чай, разбавленный лимонным соком, я вновь и вновь уходил в свой мир, а там – вместо сплошных вопросительных знаков, мутной пеленой висевших между мной и горизонтом, меня ждало совсем другое. Скорее всего – там была надежда на светлые дни. Этот город утопал в опадающей листве. Когда-то они крепко держались за могучие кроны. «Нам не страшен ветер», – должно быть, думали они. Но стоило быстроногому порождению воды и тепла всего лишь прикоснуться к

ним своей прохладой, как они тут же отрывались от веток и устремлялись к земле.

Прогулка оказалась полезной, мы много разговаривали друг с другом. Я узнал о том, что бабушка боится лягушек, а дед даже сейчас их ловит, чтобы пугать ее. А еще то, что они почти каждую пятницу устраивают пикник, а каждую субботу ездят в горы. Мне нравились традиции этой семьи, будто мы придумывали их вместе, все это было для меня таким близким.

Купив в магазине мороженое, мы отправились домой.

В дверь громко постучались... Постучались – мягко сказано, кто-то ломился внутрь.

– Кто там? – прокричал я, на минуту почувствовав себя хозяином.

Почему – то мне казалось, что я в ответе за них. Готов был грудью прикрыть эту семью от ударов.

– Кто там? – повторил я, не желая верить в то, что пришли выселять моих новых друзей.

– Это полиция, откройте дверь!

Да, это были они.

– О Боже, теперь нас выселят, мы останемся без дома. Что же делать, куда нам идти? – Мия начала паниковать.

– Откройте дверь или мы будем вынуждены ее снести.

Не было смысла им перечить. Исход ясен.

– Я открою, – смело шагнула Мия вперед. Возьмите чемоданы, нам здесь осталось жить всего какие-то секунды.

Дом не горевал, или я это не чувствовал. Он стоял так же, как и в другие дни, ни о чем не думая и не жалея. Он стоял на месте и принимал все, что в нем происходило, за должное.

– О Господи, есть же выход, – воскликнул я.

В голове моей возникла идея.

Тем временем Мия открыла дверь.

До сих пор я думал, что проблемы донимают только меня, что у меня нет ничего. Но сейчас, стоя на этом самом месте, я поблагодарил Бога за то, что он дал мне все... и дом, и это путешествие. Человек всю свою жизнь жил как бы во сне, не видя всего того, что происходит перед глазами. Я освободился от этого сна. И теперь смотрел на жизнь трезвым и ясным взглядом. Твоя потеря, Кристи, на самом деле, стала для меня лучшим событием в жизни.

Я никогда не думал, что буду так говорить, но спасибо, что ушла от меня.

Твой уход подарил мне не только боль, но также и силы, чтобы начать все сначала.

Я очень надеюсь, что у тебя все хорошо, потому что никогда не желал тебе зла. Я обрел счастье, Кристи, находясь далеко от дома, окруженный полицией, с пустым кошельком, имея лишь пару билетов в кармане. Я стал счастливым, любовь всей моей жизни. Видела бы ты меня сейчас. Меня, одетого во все черное, принимают чужие люди. Они не просят, чтобы я переделался, им нравятся мои не уложенные кучерявые волосы. Меня здесь принимают таким, каков я есть. Не

это ли счастье?..

– Добрый день, – сухо поздоровались люди в униформе. Почему так долго не открывали дверь?

– Мы не слышали, – опередил я Мию, в глазах которой сверкали злые искорки.

– Нам очень жаль, что так получилось, но мы вынуждены вас выселить. У нас нет лишних денег в бюджете, мы не можем вечно таскать на своей шее столько людей. Тем более, вы нигде не работаете.

– Я бы с удовольствием, но кто будет сидеть с ними? – показала она на стариков. – На сиделку все равно не хватило бы.

– Мы все понимаем, – смягчил голос один из них, видимо, старший. – Но мы не можем поступить иначе. Если это вас как-то утешит... Мы выселяем не только вас. Каждый день по 5-10 семей. Будь наша воля, мы подарили бы вам этот дом и еще несколько таких же. Но и вы войдите в наше положение.

Было ясно, что нужно просто выходить отсюда. Никакие разговоры не помогли бы.

– Ну что ж, – печально произнесла бабушка. Что поделать, надо так надо. Пойдем, Стеван, – взяла она за руку своего мужа, и они покорно вышли на улицу. Было видно, что они привыкли к потерям.

– Я вас понимаю, – вымолвила Мия. – Дайте мне хотя бы 5 минут, чтобы попрощаться с этим местом. Прошу...

– Хорошо, – ответил старший. – Мы даем вам несколько минут. Пойдемте, подождем на улице, – вывел он своих коллег и закрыл за собой дверь.

– Как же мне страшно, Адам. Я никогда не думала, что таким образом уеду отсюда. Ведь именно здесь я выросла. Вот на этом диване, – показывала она, – засыпала после просмотра мультфильмов, а дедушка относил на кровать. А во дворе по выходным готовили шашлык. Ты себе не представляешь, какой необыкновенный там стоял запах. Соседи собирались у нас, мы сидели до утра и болтали обо всем на свете. А в той ванной комнате я сама выдернула зуб, боялась идти к стоматологу. Дедушка ждал меня на кухне, мы должны были вместе пойти в поликлинику. Я очень гордилась собой. А вот сюда, – показал она на крышу, – я бросила тот самый зуб. Уверена, он все еще там.

Ее глаза горели. Она так была увлечена своим рассказом, что забыла о времени.

– В этом шкафу, – показала она на верхние полочки, – бабушка с дедушкой хранили снимки моих родителей, они хотели показать их мне, когда я вырасту. Но тетя пробралась к нам в дом и украла наш альбом, я так и не увидела эти фотографии. Тетю сбила машина. Помню, как я называла ее смерть кармой. Ну а образы моих родителей я сама придумала. Родные люди живут внутри нас вечно. На этом столе я делала уроки. Вся моя жизнь прошла здесь. Тяжело покидать все это.

Дверь отворилась. У входа появился силуэт дедушки.

– Пойдем, родная, нам пора уходить отсюда. Сегодня они заселят уже другую семью.

Жизнь преподносит сюрпризы. Я уверен, месяц назад они и не думали о переезде.

Мы вышли на улицу. Мия попрощалась с каждым уголком дома. Очень непросто оставить то, что ты безмерно любишь...

– Вот и все, – проговорила она. – Мы теперь остались на улице.

Их дом стоял недалеко от остановки, где меня высадил водитель автобуса.

– Прости, – добавила она. – Ты был нашим гостем, но мы приняли тебя не лучшим образом, просто момент выдался не самый удачный. Если бы ты приехал неделю назад, все было бы по-другому.

– Не говори ничего, – попросил я. – Просто почувствуй эту свободу. От того, что ты будешь ныть, ничего не изменится. Признавай свои неудачи. Да, ты осталась без дома, вам некуда идти, но это то, что тебе преподнесла жизнь. Прими все это достойно. Если ты сломаешься, что делать твоим старикам? Они заботились о тебе, кто будет заботиться о них, если не ты?

Я и не думал, что способен на такую речь.

– Ты прав. И на этот раз тоже ты прав.

Я посмотрел на часы, оставались какие-то секунды до

приезда моего транспорта. Я стоял, сжимая в карманах билеты, зная, что могу им помочь, и в то же время осознавая, что они скорее всего откажутся от этой помощи.

– Автобус сейчас будет здесь, мы не можем больше ждать, – уверенно произнес я.

– Что? Какой автобус? О чем ты? – удивилась Мия.

– Вы переезжаете жить ко мне.

– Как это? Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? – проговорила она в недоумении.

– Да, понимаю. Вы будете жить в моей стране, в моем городе, в моем доме. Что тут непонятного? Бери в руки чемоданы, нам надо идти к остановке.

– Мы не можем. Ведь мы еле знакомы. Мы станем для тебя обузой. Я понимаю, ты жалеешь нас сейчас, но потом...

– Послушай, – схватил я ее за рукав. – Просто послушай свое сердце. Я уверен, оно не будет против. Просто следуй за мной.

Когда люди стареют, они становятся подобны детям. Покажешь им дорогу, и они пойдут по ней. Так было и здесь. В этой ситуации решали все только мы с ней. Но поддаваться ее упрямству я не мог. Да и уехать, оставив их здесь, тоже.

Мы двинулись к остановке. Она не задавала больше вопросов.

Подъехал мой автобус... мой портал в счастливое будущее.

– Ваши билеты? – протянул мне руку уже знакомый кон-

дуктор.

Покопавшись в карманах, я нашел 4 билета и протянул их ему.

– Присаживайтесь на любые места, счастливого пути, – улыбнулся он.

Так же, как улыбнулась мне сегодня фортуна.

Почти все места были свободны. В хвосте салона сидел мужчина с гитарой. Больше никого не было.

Усадив стариков, мы сели рядом друг с другом.

– Боишься? – спросил я.

– До сих пор не понимаю, как я решилась поехать с тобой. Зачем тебе такая ноша, скажи?

– Жизнь дала нам шанс, так почему мы его должны упустить?

Я общался с тобой, Кристи, еще до совместной нашей жизни. Целых 7 лет. Но лучше бы вообще тебя не знал, думал я еще недавно. Теперь же очень рад, что мы встретились. Ты стала тьмой в моей жизни, тогда я не знал, где тьма, там и свет. К чему я это. Да. Лишь расставшись я понял, что не знал тебя вовсе. Все эти годы мы просто существовали вместе. Ведь историю тоже судят по ее счастливому концу, а у нас с тобой не было этого конца. Все, что у нас было, это лишь общее жилье. Мне в этот миг стало очень жалко свой дом, ведь столько нелюбви и грусти он вытерпел.

Так вот, Кристи, я решил подарить ему счастье. Я решил подарить ему семью.

– Какой цвет у тебя любимый? – спросил я у Мии.

– Зеленый. А у тебя?

– Угадай, – улыбнулся я, указывая кивком на свою одежду.

– Черный. Да-а, сложно не догадаться. Но почему именно черный? Тебе не нравятся другие цвета?

– Нет, я признаю только этот цвет. Хотя я бы не стал называть это просто цветом? По-моему, это состояние души.

– Ну, не знаю, это лучше спросить у тебя. Какое у тебя сейчас состояние? – поинтересовалась она.

– Самое лучшее. Если бы ты только знала.

– Я хочу спросить, – опустила она глаза.

– Что?

– Почему ты решил взять нас с собой? – ее глаза все еще были опущены.

– Теперь вы будете жить со мной. Не переживай ни о чем. Хотя мы знакомы не так давно, теперь мы семья. Ты должна это запомнить.

Я сам не верил в то, что говорил. Радость не умещалась в моем маленьком сердце. Весь проделанный мною путь, оказывается, вел меня вверх. К моему громкому молчанию и взволнованному спокойствию. Именно сейчас я мог закрыть глаза и не думать ни о чем.

1016. Разве много нужно человеку для счастья? Достаточно лишь понимания.

(на отдельной странице)

Я не закину свое сердце в клетку к псам, вслед не закрою дверь. Мои глаза привыкли не видеть тебя, они настолько привыкли к тебе, что хотят видеть что-то иное. И если ты решишь вернуться, знай, здесь тебя не ждут. Не возвращайся. **(на отдельной странице)**

И да.

Береги себя. **(на отдельной странице)**

Без длительных остановок путь оказался не таким длинным, всего-то несколько дней. Старики почти все время спали, накрывшись маленьким пледом и уткнувшись друг к другу в плечи. Попутчик наш только изредка снимал наушники, до нас ему не было никакого дела. А мы с Мией болтали без умолку.

– Ну а как же твоя личная жизнь? – спросила она. – У тебя, наверняка, дома жена, может быть и дети.

Дети... Всю жизнь я нянчил только себя.

– У меня нет никого. Родители мои переехали в эту страну, когда им было по 35, получается, в моем возрасте. Прожили они там хоть и недолгую, но счастливую жизнь. А я вырос с кузиной, она постоянно заставляла меня есть овощи. После ее смерти я напрочь исключил их из своего рациона. Я скучал по ней. Вначале я был вполне доволен своей самостоятельностью, только потом стал понимать, что жить с ней

было намного веселее. С тех самых пор живу совсем один.

Я не стал ей рассказывать о Кристи.

Иногда люди просто живут внутри нас.

Так будет лучше...

Мы доехали до конечной остановки в полдень. Солнечные лучи скатывались по щекам, грея душу.

– Ваша остановка, – повернулся к нам водитель.

– Что? Мы уже приехали? – удивился дедушка, пробуждаясь ото сна.

– Да, мы приехали. Осталось лишь выйти отсюда, – улыбнулся я.

Наверное, они волновались, впрочем, как и я. Не мог поверить, что вернулся домой совсем другим человеком.

Автобус больше не вонял, цветы возле моего дома выросли снова, сам дом стоял на том же месте, и я перестал ненавидеть весь мир...

Я взял пакеты и чемоданы, вышел первым, Мия помогла сойти старикам.

Мои ноги чувствовали эту землю, даже через толстые подошвы обуви. С каждым шагом мне становилось все приятнее. Проехав тысячи километров, я только сейчас понял, что все это время шел домой. Увлекаясь поиском счастья, мы не замечаем, что счастье в нас самих.

Поставив чемоданы на асфальт, я полез в свой рюкзак за ключом.

Ну вот и все. У моих ног простиралась родная улица, по

которой я бегал в детстве, и асфальт, на который падал много раз. Со слезами я возвращался домой, но моя вредная и одинокая кухня выгоняла меня обратно на улицу. «Тебе много еще падать, привыкай», – кричала она вслед. Я не понимал ее тогда, был слишком мал для этого.

Дверь отварилаь.

Когда люди надолго уезжают, в доме появляется запах сырости. Но нас встретил все тот же клубничный запах, который стоял до моего ухода. Мой дом был рад гостям. Я это почувствовал сразу.

– Как же тут красиво, – произнесла Мия с восхищением.

– О, у тебя тут даже живые цветы, – удивилась бабушка. – В какой они хорошей форме. А кто их поливал, пока тебя не было?

«Действительно, – подумал я. – Ни с кем из соседей я в последнее время не дружил.»

– Добро пожаловать! – услышал я пискливый голос за спиной.

– Наконец-то вы вернулись.

Я обернулся.

Позади меня стояла жена Чарльза. Та противная женщина, которая распространяла обо мне слухи, предав мое доверие. Но я всегда был вежлив по отношению к пожилым людям. Показать свою неугасшую злобу я попросту не мог.

– Да, я вернулся домой, – ответил я. В ее глазах читался неподдельный интерес.

– Как ваше здоровье?

– Здоровье как здоровье, жаловаться не буду. А кто это с тобой?

– Моя семья, – уверенно ответил я. – Можете зайти, Мия, я вернусь чуть позже.

Они зашли в дом.

– Как семья? У тебя же вроде никого не было? – интерес поедал ее изнутри.

– Это моя невеста и ее старики, – сказал я, гордо поднимая голову.

– Да ты что? Правда? – захлопала она глазами и робко добавила: – Я пришла попросить прощение.

Я помнил все, но злопамятным не был никогда, редко на кого-то злился. Злость и обида уничтожают человека изнутри.

– После смерти Чарльза со мной происходили странные вещи, я будто стала совсем другой, потеряла вкус к жизни. Рассказывая другим о твоём расставании с женой, я очень хотела, чтобы это стало для меня освобождением. Я ходила как правда, которую не до конца выслушали. Мне было нелегко тогда. Через пару месяцев я успокоилась, боль разлуки притупилась. Стучалась к тебе много раз, терзала себя за то, что сделала с тобой. Однажды я заметила, как жара сушит листья твоих цветов. Решила их полить. Не потому, наверное, что пожалела их. Просто надеялась таким способом вымолить у тебя прощение.

Когда человек жалеет о содеянном, это прекрасно. Я не хотел видеть, как пожилая женщина стоит передо мной и извиняется.

– Все хорошо, не переживайте, я давно забыл про это, – солгал я, но эта ложь была во благо, ибо с сегодняшнего дня этот случай не имел для меня никакого значения.

Вернувшись в свой дом, я увидел, как Мия уже взялась за готовку. Продукты у меня были заморожены, ну а соседка принесла немного овощей. В доме воцарилась необычная атмосфера. Сон это или явь, думал я, раскладывая свои вещи по полкам. Если это сон, мне не хотелось бы просыпаться.

«Я люблю писать письма, Кристи, не знаю, помнишь ты это или нет, но я все еще не разлюбил это дело. Дни больше не летят как угорелые, наоборот, каждый из них имеет смысл. Бабушка по утрам печет то блины, то оладушки, бабушка смотрит телевизор или читает газету. Я больше не обманываю себя – ты захотела уйти, потому и ушла. Без всяких оправданий и объяснений. Вдалеке от родины я скучал только по себе, ну а оставаясь дома, я очень хотел, чтобы ты вернулась. Любить тебя было хуже смерти, теперь же, сидя на своем диване и слушая музыку Эда Ширана, я спокойно смотрю на то, как Мия протирает дверь, где я сохранил твои отпечатки пальцев. Твою кружку мы выбросили на той неделе, бабушка уронила ее. Я не вздрогнул, Кристи. А просто подобрал осколки и бросил их в мусорный бак. Так же, как

и наши отношения. И это письмо тоже я выброшу сразу после того, как закончу. Я благодарю тебя за всю боль. Благодарю за те дни без тебя. Спасибо тебе за предательство. Никогда не думал, что человек может за такое выражать благодарность. Но злой рок учит нас быть лучше. По отношению к себе. Не к другим. Я теперь обрел новую жизнь. Новую семью и друзей. Твой голос больше не поет мне песни по ночам. И больше не шепчет о том, что жизнь идет на дно.

И наконец, Кристи, я всего лишь хотел, чтобы ты любила меня.

На этом все.

С большим уважением, уже не твой Адам».

(на отдельной странице)

2 недели спустя.

С женой Чарльза мы договорились выбраться на следующей неделе в горы, ну а после – в лес. Устроим большой пикник. С этого дня мы перешли на правильное питание, теперь готовим овощное рагу на ужин, ну а на завтрак – салаты и что-то мучное. Перемены всегда к лучшему, я понял это только сейчас, поэтому решили взяться за ремонт дома, скоро здесь все будет по-другому.

(на отдельной странице)

3 месяца спустя.

Оказывается, Мия отлично играет на пианино. На ее день

рождения я купил пианино, теперь мы каждый день устраиваем «культурные вечера». И да, наши соседи не такие уж и плохие люди, часто ходим друг к другу в гости, а иногда собираемся все вместе.

(на отдельной странице)

5 месяцев спустя.

Через несколько дней Мия станет моей женой. Я пригласил на свадьбу всех соседей и ту странную девочку из магазина. Со своими подругами Мия поехала выбирать платье. Уверен, она будет самой красивой невестой. Нашел работу, после торжества хотим открыть цветочный магазин, я уже договорился с хозяином помещения, остались только внутренние отделочные работы. Для привлечения клиентов мы покрасим стены в темно-розовый цвет. Недавно мы скинулись и купили в гостиную большой телевизор, вечерами сидим там, смотрим разные фильмы, которые выбираем по очереди. Когда очередь доходит до стариков, приходится смотреть кино семидесятых и восьмидесятых годов. Нескучаемая скука, конечно, но мы уважаем интересы друг друга. Скажу по секрету, мы с Мией часто притворяемся, будто смотрим.

(на отдельной странице)

7 месяцев спустя.

Помнишь слова из книги «Триумфальная арка»? Ремарк

всегда говорит нужные слова. «Что может дать человек другому, кроме капли тепла?» Что может быть больше этого? Дом уже не тиранил меня. Птички во дворе пели песни о любви, и на ступенях расцветали мои давно посаженные розы. Я чувствовал запах книг, которые без дела лежали по всему дому. Заказал новые шторы и повесил их на кухню и в зал. Жизнь стала совсем другой. Казалось, так не может случиться, но я полюбил себя и свой дом.

Пару дней назад мы в интернет-магазине заказали одинаковые футболки, на всех сразу. Сделали совместное фото, долго смеялись над ним. Кофточка была зеленая, почему-то на этот раз такой цвет мне ни о ком не напоминал. Если бы я только мог подумать, что все скоро закончится, те слезы, что потратил на тебя, я направил бы на что-то другое. Плакал бы чужих матерей, которые умерли, оставив детей на попечение року, оплакивал бы горе каждой девушки, испытавшей на себе тяжелые удары судьбы.

Жизнь поменяла краски, теперь в моем мире из черного только одежда. Будни стали веселыми. Как ты там говорила? Каждый день как праздник? Именно так!

Я теперь больше не путешествую, обменялся номерами с теми, кого встречал на своем пути. Не со всеми, конечно. Лана звонит и пишет мне почти две недели подряд, говорит, что приедет скоро к нам в гости. Мэт со своей семьей, наконец, собирается поехать домой. Я представлял эмоции их родных и долго радовался хорошей новости. Эти люди стали

частью меня.

(на отдельной странице)

9 месяцев спустя.

Сегодня утром я достал из-под дивана телефон, выключенный пару месяцев назад.

Подключив его к сети, я начал прослушивать пропущенные звонки и записи.

«Адам, это Кристи, думаю, ты по голосу уже узнал меня. Я пожалела, что ушла. Пожалуйста, набери мой номер, у меня сейчас проблемы. Мне тебя не хватает.»

Перед приходом гостей нужно было приготовить ужин, полить цветы и поменять лампочку на кухне. Солнце светило все нежнее, будто играя на струнах моей души.

Я стер запись, которую прослушал 20 минут назад. Сегодня мы с моей семьей праздновали годовщину нашего знакомства.

(на отдельной странице)

Я надеюсь, читатель, любая история в твоей жизни будет иметь счастливый конец. Никогда не жалуйся на свою жизнь. И если у тебя проблемы, не стой на месте, двигайся вперед, находи решения, стань лучше, ведь ты можешь больше, чем ты думаешь. Банальные слова. Но люби то, во что веришь. И верь в то, что любишь. Ты должен понимать, что жизнь преподносит сюрпризы. Не позволяй ей сломить себя. Выбирай

всегда справедливость. Никогда не занимайся тем, что тебе не нравится. Постарайся сохранить счастье в себе. Ты сможешь.

Я верю в тебя. **(на отдельной странице)**

Мелодия души

Из открытого окна волнами накатывал густой аромат пахлавы, который вскоре наполнил собой каждый уголок моей уютной комнатки. Запах грецких орехов вперемешку с терпким духом весеннего меда мягко карабкался к самому мозгу, приятно дразня ноздри. Кажется, целую вечность так пролежала бы... И не вставала бы, пока брненное тело и бессмертная душа не насытятся этим благоуханием...

Я с неохотой открыла глаза. У кровати стояли мои сестры и без умолку тараторили...

– Фатьма, вставай, мама готовит сладости. Одевайся быстрее, мы собираемся на рынок за покупками.

– Шевелись, лежебока, а то без тебя поедем.

Слова пролетали мимо, даже не задевая ушей. Глаза мои медленно закрылись, погрузив окружающее в легкий полу-

мрак.

– Сколько можно спать! Ну проснись уже, тебе еще в порядок себя приводить, а это целый час, с твоей-то расторопностью.

Тоненький и острый, как иголка, голос сестренки Айше буквально пробивал перепонки и вонзался в мозг, напрочь изгоняя из моей души умиротворение, с которым я встречала новый день.

Откинув покрывало, я не спеша встала. Айше быстренько прибрала мою кровать.

Кое-как собрав в пучок непричесанные волосы, я спустилась на первый этаж.

Завтракали мы обычно в саду. Растущие в клумбах олеандры и бугенвиллии придавали нашему двору какую-то одухотворенность, как бы приглашая наслаждаться жизнью.

– Мама, может, мы купим нам всем по платью?

– Да сколько можно, Айше! – прокричала Севен, занятая своим завтраком.

Старшая из нас троих, Севен, всегда была серьезной, даже в кругу семьи. Она являлась дипломированным врачом, но так и не смогла устроиться на работу и винила в этом “несчастье” всех, кроме, конечно же, себя.

– Купим, милая, конечно, купим, – улыбнулась мама, возившаяся у плиты.

Город дышал свежим морским воздухом, но ближе к рынку он портился обилием всевозможных запахов, не всегда приятных, но непременно подчеркивающих дух восточных базаров. Все вокруг куда-то спешили: дети в школу, молодые в колледжи и университеты, кто-то на работу. Тут же и старики, которым вроде бы и спешить-то некуда, однако и они мелкими шажками семенили по мостовой, будто подгоняя жизнь, и так уже подбирающуюся к своему закату.

Держа в руках пакеты, мы прошлись по рядам.

Севен с выбором не спешила, осматривала все придирчиво. То фасон не тот, то ткань чересчур грубая, то до неприличия броско, то, наоборот, слишком строго. А вот Айше, кажется, готова была купить все подряд.

В одном из магазинчиков, стоящих вплотную друг к другу, я заметила небольшой отрез ткани, который сразу же при-

ковал к себе мое внимание. Это был платок. Вроде бы ничего необычного, платок как платок, каких на этом рынке, должно быть, тысячи и тысячи. Но какая-то особенность в нем все же была, хотя я и не могла определить, какая именно. Продавщица, почувствовавшая во мне человека, готового открыть кошелек и оставить в ее магазинчике какое-то количество купюр с портретами Ататюрка, широко улыбнулась и ободряюще проговорила:

– Заходи, не стесняйся. Ты что-то хотела? Примерить обновку можно тут же, в магазине. У нас и трюмо, аж до самого потолка. Давай я подберу тебе джинсы?!

– Фатьма, смотри, какие джинсы! Точь-в-точь как у Се-вен, – воскликнула Айше. – Купи и ты, все будут думать, что вы близняшки.

– Покажите мне, пожалуйста, тот большой платок, – обратилась я к продавщице, не обращая внимания на слова сестренки.

– Платок?! – удивилась Айше. – Зачем тебе платок?

С видимым недоумением протягивая мне платок, продавщица почему-то стала расхваливать не его, а совсем другие товары, которыми я вовсе не интересовалась. Ни стильная

одежда, со знанием дела развешанная по стенам, ни всевозможные девичьи побрякушки, разложенные на прилавке, меня не волновали. Но вот платок... Он был прекрасен. Глядя на него, я не могла отделаться от ощущения, что перед моими глазами раскинулась давно мне знакомая лесная поляна, усыпанная игривыми цветами, которые радостно тянутся к солнцу, спеша насладиться ароматной свежестью весенних дней. Да, живые цветы, а не бездушные камни, сапфиры или какие-то там рубины, явно со злым умыслом названные кем-то драгоценными...

Я накинула платок на голову. Нежный шелк ласково обвил мои плечи. Он игрался со мной, словно морская волна, облизывающая пятки влюбленного романтика, который уединился на берегу, чтобы поведать багровому закату об обуревающих его чувствах.

Семья у нас вполне современная, с роду ни одна из женщин не носила платок, и покупка моя могла вызвать определенное недоумение. Что, впрочем, и произошло. Мама посмотрела на меня с нескрываемым удивлением, хотя и знала, что я единственная в семье не признаю ни брюк, ни вульгарности в одежде.

– Ты хочешь этот платок? – спросила она улыбаясь.

– Да, он мне очень нравится, – ответила я, покрутившись перед ней.

– Так и быть, возьмем его.

Добравшись до дома, мы стали разбирать покупки. Папа уехал в командировку в далекую Австрию, а другого человека, перед которым можно было бы покрасоваться в новых нарядах, в доме просто не было, однако снимать платок я все-таки не спешила.

– Айше, тебе нравится мой платок? – спросила я у сестры.

– Да, он мне нравится, а куда ты будешь его надевать? Мы же редко ходим в гости.

– Дома буду носить.

– Дома? – уставилась она на меня широко открытыми глазами. – Да ты запаришься в нем!

– Нет же, ткань тонкая и легкая, пощупай? – подошла я к ней.

– В самом деле, как пушинка. А мне дашь поносить?

– Конечно.

– Ты моя радость! – прижалась она ко мне и звонко рас- смеялась.

...По вечерам я ходила в музыкальную школу, училась иг- рать на рояле. Домой возвращалась усталая, но полная при- ятных впечатлений. Сегодня мы разучивали новую мелодию, которая особенно запала в душу. Одухотворенность, навеян- ная ее нежными нотами, не покидала меня ни на минуту.

Ночь была необычайно чудесной. Кажется, все звезды, что когда-либо сияли на небе, сошлись над нашим домом.

Я легла на кровать, набросила на себя тоненькое покры- вало и закрыла глаза. Но спать не хотелось. Наоборот, бо- лее бодрой я себя не чувствовала никогда. Кажется, с удо- вольствием станцевала бы сейчас. Даже перед публикой, ни- чуть не смущаясь множества глаз, уставленных на сцену. А еще прыгнула бы с парашютом. С любой высоты. И никако- го страха! Точно знала, что не разобьюсь. Потому что в том состоянии, в котором я находилась в этот вечер, человек не может умереть. Никак не может. В такие мгновения смерть просто перестает существовать...

А потом пришел сон. Скорее даже не сон, а что-то вроде

легкой, расслабляющей полудремы, ловко балансирующей между забытьем и явью... И вместе с ним... мелодия. Она звучала громко... Настолько, что могла, кажется, разбудить не только сестер и родителей, спящих в соседних комнатах, но и весь город. Но ни грохота в ней, ни скрежета, ни визгливых нот. Нежная и вместе с тем до боли в сердце печальная мелодия...

Утреннее мое пробуждение было каким-то тревожным. Несколько минут я растерянно озиралась по сторонам, пытаюсь понять причину своего беспокойства. Тишина, обычная в столь ранние часы и вполне привычная для меня, сегодня почему-то угнетала. Она давила, как серая тоска... И вдруг до меня дошло... Мелодия... Её не было... Глаза мои тут же наполнились слезами. Было такое ощущение, что я потеряла что-то очень ценное, данное мне на хранение.

Пытаясь вспомнить ночной мотив, я несколько раз прокрутила в голове весь вчерашний день, до мельчайших подробностей, но так и не смогла ничего вспомнить.

Попивая чай, разбавленный лимонным соком, я вновь и вновь уходила в свой мир, а там – сплошные вопросительные знаки, мутной пеленой висевшие между мной и горизонтом.

– Да что это с тобой? Где ты там витаешь? – проворчала

Северн, окинув недовольным взглядом мое хмурое лицо.

– Фатма, на тебе лица нет. Ты, часом, не заболела? – забеспокоилась мама.

– Со мной все хорошо. Просто немного устала.

Отправившись в музыкальную школу, я первым делом попыталась сыграть мелодию из своего сна, но ничего не получилось. Снова и снова стучала я пальцами по клавишам, но выходили совершенно другие мотивы, не имевшие ничего общего с тем, что так взволновало меня.

После урока я уныло поплелась домой.

Несколько дней я чувствовала себя совсем неважно. Внутренняя опустошенность сказывалась на физическом состоянии. Такой вялости в мышцах, как в эти дни, я не ощущала никогда.

Однажды вечером, после бессмысленных хождений по комнате, я прилегла на диван и тут же уснула. И вдруг... Заиграла мелодия. Все чувства во мне сразу же проснулись, будто чья-то невидимая рука схватила мое обмякшее тело и хорошенько взболтало его.

Это была она... Мелодия из сладкого сна...

Я проснулась бодрой и жизнерадостной. Ни растерянности, ни апатии, а лени, этой вязкой паутины, и след простыл. И мир вокруг как будто преобразился. Он стал ярче, красочнее.

– Фатьма, мы собираемся встретить папу, когда будешь уходить, не забудь закрыть дверь на ключ, мы вернемся поздно.

За уборкой я не заметила, как быстро пролетело время. Нужно было отправиться на рынок за фруктами. Повесив сушиться выстиранное белье, я вышла из дома.

Город утопал в опадающей листве. Когда-то они крепко держались за могучие кроны. «Нам не страшен ветер», должно быть, думали они. Но стоило быстроному порождению воды и тепла всего лишь прикоснуться к ним своей прохладой, как они тут же отрывались от веток и устремлялись к земле. Наступала осень, время философствующего вдохновения и... уличного искусства. Каждый квартал наполнился музыкой.

Это Стамбул – город, о котором слагают стихи и которому посвящают романы.

Проходяживаясь по историческому центру, я заметила роль возле открытого кафе.

«Сейчас самое время», – подумала я и села за него.

Я еще не прикоснулась к клавишам, а в голове у меня уже звучала та самая мелодия. Она торопилась наружу, чтобы увидеть, наконец, этот волнительный мир.

Пальцы дрожали, соскальзывали в сторону, а потом возвращались обратно к клавишам.

Это было невероятно.

Я действительно играла ту самую мелодию из своего сна.

Она звучала... Я уверена, ее слушали все: и люди, тут же обступившие меня со всех сторон, и каменные стены, нависающие над тротуарами, и даже тысячелетняя мостовая, казавшаяся до сих пор совершенно безразличной ко всему на свете. Пестро одетые туристы снимали меня на телефон, но я не обращала на это никакого внимания, хотя еще вчера не знала бы куда себя деть от растерянности. Я чувствовала себя в волшебном саду в окружении моря цветов.

Вдруг откуда-то из толпы донесся голос. Руки мои онемели.

«Вайн дегнех кхерсташ ю алу,

Вайн ирсан дайина доь,

Ларйойла хьо везчу Дала,

Бусулба сан Нохчийчоь!»

Она пела, точно попадая в ритм, будто мы являлись одним целым. От этого пения весь мой внутренний мир преобразился. Сердце забилося в бешеном ритме, легкая грусть, плавно переходящая в светлую печаль, медленно разливалась по всему телу. Душа моя неудержимо тянулась к этому мягкому голосу, а незнакомые слова доставали до самого сердца.

Это была молодая девушка. Просто стояла рядом с роялем и пела на неизвестном мне языке...

Я не понимала этот язык, но не чувствовала его чужим, с удивлением находя в его гортанных звуках что-то родное,

пусть и забытое давно.

Продолжая играть, я смотрела на нее и, кажется, понимала, о чем она поет. Ее голос то смеялся, то плакал, а стройное тело певицы то гордо выпрямлялось, то печально раскачивалось.

Я закончила играть.

Девушка легким кивком поблагодарила публику, бурно выражавшую свое восхищение, и поспешила прочь.

Я пошла за ней.

– Простите, пожалуйста, я хотела бы спросить у вас...

Она не слышала меня.

Я догнала ее и мягко положила руку на плечо.

– Я хотела спросить. Простите, что пошла за вами.

Она посмотрела на меня с удивлением.

– Нохчи яц хьо? Суна туркойн мотт ца хаьа...

Я не понимала ее, а она, по всей видимости, меня.

– What language did you sing? (На каком языке ты пела?), – спросила я по-английски.

– And ,now I understand. In Chechen. Now I'm in a hurry, see you later. (А, теперь понимаю. На чеченском. Я спешу, если захотите, увидимся позже.)

– На чеченском? – удивилась я. – Как такое возможно? Откуда я тогда знаю эту мелодию?

Девушка ушла, видимо, она и впрямь очень спешила. А мне столько всего хотелось у нее узнать...

Наступал вечер, солнце садилось, острые капли осеннего дождя больно били по лицу, в такт мыслям, что били по голове.

Дверь нашего дома была открыта. Папа обнял меня, прижал мою голову к груди. Все сидели за столом. О фруктах никто даже не заикнулся, видимо, чтобы не огорчать меня. Я-то со всеми этими впечатлениями и не вспомнила о них.

– Что с тобой? Ты себя плохо чувствуешь? – мама нежно прикоснулась рукой к моему лбу.

– Вроде температуры нет... У тебя что-то болит? Может из-за дождя, ты простудилась?!

– У нас были родственники чеченцы? – спросила я.

Папа с мамой переглянулись. Лица их вмиг побледнели, будто им сообщили весть о моей гибели.

– Почему ты спрашиваешь, дорогая? С тобой кто-то говорил об этом?

– Никто ничего мне не говорил, просто ответьте, пожалуйста, на мой вопрос.

Севен и Айше молча поднялись из-за стола и ушли в свои комнаты.

Папа с мамой то смотрели на меня, то в каком-то смущении отводили глаза. Не сказав мне ни слова, они удалились на кухню и долго о чем-то там говорили.

Я решила дождаться их прямо здесь, не поднимаясь к себе.

Вскоре появилась мама.

– Знаешь, Фатьма... – дрожащим голосом проговорила она и тут же запнулась.

Сделав глубокий вдох, она попыталась снова заговорить, но вдруг закатила глаза, как-то неестественно дернулась, колени ее мелко задрожали и стали сгибаться. Падая на пол, она попыталась ухватиться за меня, будто прося о помощи...

– Это было 14 лет назад. В нашу страну нескончаемым потоком шли беженцы, пытающиеся спастись от жестокой войны. Мы с папой нашли тебя на рынке. Ты сидела на холодном асфальте и плакала. Маленькая, незащищенная девочка... Мы не могли пройти мимо. Целых два года папа искал твоих родителей, куда только не писал. Тебе тогда не было и 3 лет. Слов твоих мы не понимали. Узнать, кто ты и откуда, так и не смогли. А когда через несколько лет все же узнали... Понимаешь, мы уже привязались к тебе... Ни я, ни отец твой, мы не эгоисты. Да, как только узнали, что ты чеченка, мы возобновили поиски твоих родителей, связались с властями, они тоже приложили не мало усилий... Но... Мы не могли тебе сказать, что ты не наша дочь и что твои родители стали жертвами войны в Чечне. Война не щадит никого, она забирает жизни людей. Ей неведомо, что люди просто хотят жить, просыпаться по утрам, целовать детей, готовить им завтраки и не бояться за их судьбу... Мне очень жаль, что в тво-

ей жизни случилось такое горе. Аллах посылает нам испытания, мы должны быть покорны Его воле.

Рассказ мамы оглушил меня. Земля под ногами закачалась, в глазах помутнело.

Когда я очнулась, увидела над собой испуганные лица родителей... Да, приемных, но горячо любимых. И все равно... родных! Я была благодарна им за то, что они не оставили меня на улице и воспитали, как родную. И вместе с тем во мне было столько злости. На войну... На людей, допустивших ее... На весь мир... Но я сумела удержать в себе эту злость, чтобы она случайно не задела невинных...

Через год в составе туристической группы я поехала в Грозный. Там живут люди необычайной души. Они тепло встретили меня. Я слушала эту песню в Грозненском театре, где проходили выступления восходящих звезд чеченской эстрады. Сидя в зале, вспомнила, что именно эту песню я слышала до войны, по телевизору, у себя дома. Она сохранилась в моей памяти вместе с любовью к Родине.

На самом деле чеченцами рождаются. И каждый из этих детей гор остается чеченцем, куда бы ни забросила его судьба и какие бы испытания ни выпадали на его долю.